

ВОСПОМИНАНІЯ Н. П. БРУСИЛОВА.

«И оду ужъ его тисненью предають,
И въ одѣ ужъ его намъ ваку продають.»

«Дмитріевъ».

ВСЯКАЯ въ какомъ бы то ни было отношеніи выдающаяся, незаурядная личность всегда и вездѣ имѣла своихъ подражателей, въ свое время игравшихъ нѣкоторую роль, но забывавшихся вполнѣ въ послѣдствіи. Къ числу такого рода «спутниковъ» нужно отнести и писателя начала XIX вѣка—Николая Петровича Брусилова, интересныя воспоминанія котораго печатаются ниже. Онъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ послѣдователей Карамзина, человѣкомъ передовымъ для своего времени, занималъ не послѣднее мѣсто среди второстепенныхъ литераторовъ, но «время» прошло, и Брусиловъ теперь забытъ¹⁾. Его біографія никому неизвѣстна. Послѣднее, впрочемъ, произошло не столько вслѣдствіе его незначительности, сколько потому, что для этого онъ не оставилъ никакихъ матеріаловъ. «Воспоминанія» представляютъ собой главный источникъ и появляются въ печати только теперь. Они доставлены въ редакцію «Историческаго Вѣстника» внучкой Брусилова — Анной Егоровной Краснораменской, сообщившей также нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія. Воспоминанія были написаны Брусиловымъ въ декабрѣ 1818 года, то-есть за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, и въ редакцію поступилъ его автографъ—небольшая тетрадка въ четвертку. Редакція поручила мнѣ приготовить ихъ къ печати, то-есть написать предисловіе и сдѣлать пояснительныя примѣчанія къ тексту. Трудъ составленія послѣднихъ взялъ на себя, по моей просьбѣ, В. И. Саятовъ, за что и приношу ему глубокую благодарность.

¹⁾ Академикъ Гротъ смѣшивалъ его даже съ Ник. Ив. Брусиловымъ, директоромъ бумаго-прядильной фабрики. Сочиненія Державина, т. VI (изданіе академіи наукъ), стр. 93. Ошибку Грота повторилъ въ своемъ «Словарѣ» Геннади.

Н. П. Брусиловъ, родился какъ это видно изъ его «Воспоминаній», въ 1782 году ¹⁾, въ Орловской губерніи, гдѣ отецъ его былъ помѣщикомъ, и восьми лѣтъ поступилъ въ пажескій корпусъ, откуда въ 1796 году, не пройдя полного курса, вмѣстѣ съ другими своими товарищами, по приказанію Павла I, былъ выпущенъ поручикомъ въ армію ²⁾ въ Московскій гренадерскій полкъ. Извѣстно, какъ тяжело жилось военнымъ, въ короткое царствованіе Павла I, переполненное арестами, ссылками, разжалованіями. Число лицъ, возвратившихся на службу благодаря манифесту Александра I и исключенныхъ Павломъ I, простиралось до 12.000 человекъ ³⁾. Гвардейскіе офицеры всегда носили съ собой запасъ денегъ на случай, если бы прямо со смотра пришлось отправиться въ сибирскія тундры. Примѣры такого рода бывали, а потому Брусиловъ, не смотря на всѣ свои симпатіи къ военной службѣ, года черезъ два вышелъ въ отставку и поступилъ въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній на высочайшее имя. Въ 1820 году онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Вологду, гдѣ и пробылъ до 1834 года. Вологда обязана ему устройствомъ бульвара и сада, разведеннаго на соборной горѣ ⁴⁾. Жена въ отставку онъ вышелъ два раза. Первая жена его умерла отъ холеры, вслѣдствіе чего самъ Брусиловъ всегда очень боялся этой болѣзни ⁵⁾. Въ 1834 году онъ вышелъ въ отставку, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и умеръ 27 апрѣля 1849 году ⁶⁾. Погребенъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

Вотъ и все, что можно сказать о его біографіи. Что касается его литературной дѣятельности, то началась она очень рано. Еще будучи въ корпусѣ, онъ издавалъ рукописную газету, въ которой «осмѣивалъ, какъ умѣлъ, своихъ товарищей». Первой печатной работой его были переводъ комедіи Мерсье «Гваделупскій житель», сдѣланный подъ руководствомъ дяди. Всѣ послѣдующія работы были или переводами, или подражаніями. Самъ Брусиловъ въ своихъ воспоминаніяхъ такимъ образомъ говоритъ о своей литературной дѣятельности: «Карамзинъ и Дмитріевъ издали «Бездѣлки», ну, какъ же мнѣ отстать отъ нихъ? и я издалъ «Бездѣлки» ¹⁾. Мало этого, написалъ «Бѣдную Машу», въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ», «Мое путешествіе» въ подражаніе де-Метру и еще двѣ или три повѣсти, въ подражаніе не знаю ужъ кому».

Дѣйствительно, всю литературную дѣятельность Брусилова нужно разсматривать, какъ сплошное подражаніе главнымъ образомъ Карамзину, съ которымъ онъ во многихъ случаяхъ сходился во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Всѣ повѣсти Брусилова отличаются тѣмъ же сентиментализмомъ, отцомъ котораго считается Карамзинъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что идеаломъ

¹⁾ Брусиловъ окончилъ корпусъ въ 1786 г., по его словамъ, 14 лѣтъ.

²⁾ «Матеріалы для ист. Пажескаго корпуса». Изд. Гр. Милорадовичемъ. Кіевъ. 1876 г., стр. 141.

³⁾ А. Н. Пыпинъ, Общественное движеніе при Александрѣ I, Спб., 1885 г., стр. 62.

⁴⁾ «Вологодская старина». Историко-археологич. сборн. Сост. И. К. Степановскій. Вологда. 1890 г., стр. 314.

⁵⁾ «Русскій Архивъ», 1867 г., стр. 1689.

⁶⁾ «Сѣверная Пчела», 1849 г., № 94, стр. 574.

⁷⁾ Рецензія на «Бездѣлки» Брусилова была напечатана въ «Сѣверн. Меркуріи» 1803 г., ч. II, стр. 41.

Брусилова была натура, реальность ¹⁾, специальныхъ атрибутовъ сентиментальности онъ старался избѣгать, хотя, конечно, и не въ состояніи былъ отъ нихъ освободиться совершенно. «Есть ли въ книжкѣ сей,—писалъ онъ въ заключеніи одной изъ своихъ повѣстей,—найдешь ты мало сентиментальности (курсивъ Брусилова), оставляю въ концѣ оной двѣ бѣлыя страницы, пиши на нихъ, дополняй что тебѣ надобно. Опиши живописнымъ перомъ то, чѣмъ всѣ романы наполнены и чего нѣтъ въ моей повѣсти, то-есть: пріятную долину, ручеекъ, журчащій по камешкамъ между прекраснаго лѣска, заходящее солнце... Скажи, какъ милый звукъ счастливаго пастушка, игравшаго на свирѣли, отражаемый крутыми горами, ограждающими сію долину, живо отдавался въ твоемъ сердцѣ, не позабудь блеянія овецекъ, лаянія какой набудь фидельки, словомъ вмѣсти въ сихъ страницахъ побольше сентиментальности, заставь милую красавицу, читая твоё дополненіе, выронить нѣжную слезку» ²⁾... Въ другомъ мѣстѣ, отличительнымъ признакомъ сентиментальныхъ «нѣжныхъ слезокъ» онъ называетъ то обстоятельство, что «положенныя на бумагу онѣ возбуждаютъ смѣхъ въ читателяхъ» ³⁾, а самую «сентиментальность» признаетъ «сумасбродствомъ» ⁴⁾.

До такихъ крайностей и до большаго злоупотребленія сентиментализмомъ, какъ писатели въ родѣ князя Шаликова, Брусиловъ не доходилъ, но, тѣмъ не менѣе, всѣ его рассказы должны быть названы сентиментальными. Всѣ они не чужды нѣжныхъ слезокъ, патетическихъ восклицаній, разнаго рода ужасовъ и часто кончаются чуть не тремя убійствами ⁵⁾. «Исторія бѣдной Марьи», написанная по словамъ самого Брусилова въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ» Карамзина, носитъ на себѣ всѣ слѣды Карамзинскаго вліянія, посвящена «нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцамъ», герой исторіи — Милонъ, «бѣдный поселянинъ», влюбленный въ Марію, дочь богатаго откупщика, убиваетъ себя кинжаломъ при видѣ Маріи, выходящей изъ церкви съ нелюбимымъ мужемъ. Марія, любившая Милона, бросаетъ мужа, отца, родину и удаляется въ бѣдную хижину. Тамъ, «въ цвѣтущей молодости, окончила она дни свои, произнося имя Милона, — имя любезное ея сердцу». Исключеніе представляетъ собой повѣсть «Бѣдный Леандръ», «всѣ проществія которой на столько обыкновенны, что Брусиловъ въ предисловіи «охотникамъ чрезвычайностей» совѣтуетъ лучше оставить «Бѣднаго Леандра» и «читать Тайнства Удольфскія и Бову Королевича», но зато и повѣсть нельзя назвать повѣстью, а скорѣе довольно примитивной сатирой на страсть къ авторству. Нужно замѣтить, что всѣ вообще сочиненія Брусилова отличаются сатирическимъ, обличительнымъ характеромъ, въ особенности издававшійся имъ «Журналъ».

¹⁾ Бѣдный Леандръ, или авторъ безъ риторики. Соч. Н. Брусилова, Спб., 1803 г., стр. 4. Также: «Мое путешествіе», Спб., 1803 г., стр. 156.

²⁾ Ibid.

³⁾ «Журналъ Россійской Словесности», изд. Н. Брусиловымъ, Спб., 1805 г., № 12, стр. 177.

⁴⁾ Ibid., № 8, стр. 196. Также, № 2, стр. 78 и др.

⁵⁾ «Старецъ, или превратность судьбы», Спб., 1803 г.; «Бѣдный Леандръ, или авторъ безъ риторики», Спб., 1803 г.; «Линдоръ и Лиза, или Клятва» («Журналъ Россійской Словесности», Спб., 1805 г., № 8, стр. 175); «Исторія бѣдной Марьи» (ibid., № 9). Ср. «Сѣверная Пчела», 1849 г., № 101.

«Журналъ Россійской словесности» издавался только одинъ годъ (1805 г.). Онъ выходилъ не большими, страничекъ въ 50, нумерами, заключающими въ себѣ четыре отдѣла: въ первомъ помѣщались — «русскія повѣсти, отрывки о русской словесности, нравственности, театрѣ», извлеченія изъ произведеній русской и иностранной литературы и проч., во второмъ — стихотворенія, въ третьемъ — извѣстія о новыхъ произведеніяхъ русской и иностранной литературы, и послѣдній отдѣлъ — смѣсь, наполнявшійся разнаго рода анекдотами. Почти всѣ оригинальныя и переводныя прозаическія статьи принадлежатъ Брусилову. Кромѣ него, въ журналѣ сотрудничали — И. Н. Пнинъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ за свой независимый характеръ ¹⁾, Бенитцкій, А. Измайловъ, Н. Остолоповъ, Н. Гречъ, И. Похвисневъ и др., однимъ словомъ лучшіе члены «Вольнаго общества любителей словесности» ²⁾. Это обстоятельство до нѣкоторой степени опредѣляетъ характеръ журнала, его направленіе. «Вольное общество», какъ извѣстно, помимо интересовъ чисто историко-литературныхъ, увлекалось интересами общественными и было до нѣкоторой степени ячейкой, изъ которой развилось декабристское движеніе ³⁾. Пнинъ и Бенитцкій, бывшіе особенно яркими представителями этого направленія, внесли общественный интересъ и въ «Журналъ» Брусилова, имѣли несомнѣнное вліяніе и на самого Брусилова. Всѣ почти стихотворенія и басни Пнина, Бенитцкаго, Измайлова и др. отличаются общественнымъ характеромъ. Здѣсь, напримѣръ, помѣщена была извѣстная басня Измайлова: «Истина во дворцѣ», проводящая мысль, что «счастлива та страна, въ которой кроткой царь правдиво говоритъ себѣ не запрещаетъ», басня Пнина «Царь и придворный», въ которой придворный изъ лести сравниваетъ царя съ верхнимъ камнемъ пирамиды, а нижніе основные камни съ народомъ, созданнымъ только для него, а царь на лесть отвѣчаетъ словами:

«Тотъ камень, что свой блескъ бросаетъ съ высоты,
«Разбился бѣ въ прахъ—частей его не отыскали,
«Когда бѣ минуто хоть одну,
«Поддерживать его другіе перестали».

Такимъ же характеромъ отличается его «Ода на правосудіе», письмо къ издателю «Сочинитель и цензоръ» и др. Первые годы царствованія Александра I, подававшіе такія блестящія надежды, съ такимъ восторгомъ встрѣченныя лучшей частью русскаго общества, нашли себѣ сочувствіе и въ «Журналѣ Россійской словесности». Чуть не на каждой страницѣ, въ стихахъ и прозѣ, находимъ мы панегирикъ Александру I, «водворившему любовь къ наукамъ», этому «Титу россовъ, одаренному всѣми добродѣтелями, царю и человѣку свойственными» ⁴⁾. Если суммировать всѣ общественныя вопросы, которые обсуждались въ журналѣ Брусилова и въ большинствѣ случаевъ имъ же самимъ, то они сведутся къ слѣдующему.

¹⁾ Л. Н. Майковъ. Батюшковъ. Спб. 1887 г., стр. 44.

²⁾ Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ было основано въ 1801 г. и прекратило свое существованіе въ 1824 г. Въ 1802—1803 гг. «Обществомъ» былъ изданъ альманахъ, «Свитокъ музъ» въ 2-хъ частяхъ, въ 1804 г.—«Періодическое изданіе» и въ 1812 г.—«С.-Петербургскій вѣстникъ».

³⁾ Критико-біографическій словарь С. А. Венгерова, Спб., 1891 г., т. II, стр. 232.

⁴⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 51, 55, 132, ч. II, стр. 52 и др.

Больше всего и чаще всего останавливался Брусиловъ на галломаніи, на увлеченіи современнаго ему общества французами. Въ статьѣ о воспитаніи, помѣщенной въ первомъ же номерѣ «Журнала»¹⁾, Брусиловъ говорить: «нельзя безъ прискорбія видѣть, что воспитаніе нашего юношества совершенно въ рукахъ иностранцевъ», при томъ же «недостойныхъ сего званія, взятыхъ съ площади, парикмахеровъ и лакеевъ». Этимъ объясняетъ онъ пристрастіе ко всему иностранному съ одной стороны и съ другой презрительное отношеніе ко всему своему, незнаніе роднаго языка, русской литературы, полнѣйшее невѣжество относительно всего русскаго. Объ этомъ онъ говоритъ не разъ не только въ журналѣ²⁾, но и въ своихъ сочиненіяхъ, изданныхъ отдѣльно, при всякомъ удобномъ случаѣ. Входитъ онъ, напримѣръ, въ ресторанъ, подають ему обѣдъ, изготовленный французскимъ поваромъ. «Настоящее, — восклицаетъ онъ, — родитъ будущее. Мнѣ пришло въ голову пристрастіе, царствующее у насъ, ко всему иностранному... Ахъ! Пусть въ образованіи ума и вкуса слѣдуютъ иностранцамъ, но желалъ бы я, чтобы сердца русскихъ были образованы русскими, чтобы характеръ національной пребыль неизмѣняемъ!»³⁾. «Презрѣніемъ» къ родному языку объясняетъ Брусиловъ упадокъ русской литературы, отсутствіе выдающихся авторовъ⁴⁾. Его возмущали галлицизмъ и иностранныя слова, которыми современные ему авторы пестрили свои произведенія. «Зачѣмъ употребляютъ иностранныя слова, — писалъ онъ, — когда мы имѣемъ собственныя имъ равносильныя?»⁵⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ врагомъ «словъ и реченій, бывшихъ въ модѣ у нашихъ предковъ», русскихъ архаизмовъ⁶⁾. Его возмущали выраженія въ родѣ слѣдующаго: «Я вошелъ въ теплую избу — *quel bonheur!* Неужели сочинитель думалъ, — замѣчаетъ онъ по этому поводу, — что слово счастье не такъ выразительно, какъ *bonheur*»⁷⁾.

Гораздо рѣже, и то лишь говоря о мотовствѣ и жизни помѣщиковъ, касался Брусиловъ печальнаго положенія крестьянъ и дворовыхъ людей. «Если бы, — говорить онъ, — молодые люди знали, съ какою трудностью добываются крестьянами тысячи, проматываемыя ими, если бы видѣли они, какъ бѣдные поселяне отдають иногда послѣднее рублище для доставленія барину денегъ, нужныхъ ему на какія нибудь новыя моды, то, конечно, умѣрили бы издержки свои, а съ тѣмъ вмѣстѣ и страшные оброки, ими налагаемые». Дальше уменшенія оброковъ Брусиловъ не пошелъ, да и объ этомъ высказался какъ-то вскользь⁸⁾. Это тѣмъ болѣе странно, что Брусиловъ былъ, повидимому, горячимъ поборникомъ реформъ Александра I, который хотѣлъ «сдѣлать россиянъ свободными, чувствуя, что управлять рабами не лестно»⁹⁾. Положимъ, что даже такіе люди, какъ В. Н. Каразинъ, признавали необходимость крѣпостнаго права. Но въ то время, какъ Кара-

¹⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 9.

²⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 18, 19, 22, 23, 24, 67, 183, 184 и др.

³⁾ «Мое путешествіе», Спб., 1803 г., стр. 43, 153, 157; «Бездѣлки», Спб., 1803 г., стр. 11—13.

⁴⁾ «Бѣдный Леандръ», Спб., 1803 г., стр. 32.

⁵⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 142.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 141.

⁷⁾ *Ibid.*

⁸⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 28, 68, ч. II, стр. 12.

⁹⁾ «Журналъ», ч. II, стр. 165.

звнъ изображалъ всё ужасы современнаго ему положенія крестьянъ, поставленныхъ въ полную зависимость отъ произвола грубыхъ помѣщиковъ, изыскивалъ средства для улучшенія этого положенія на словахъ и на дѣлѣ, Брусиловъ въ своихъ сочиненіяхъ не только не обращаетъ вниманія на этотъ предметъ, но склоненъ иной разъ даже идеализировать быть «поселянъ»¹⁾. Вскользъ говорятъ онъ о неприглядной обстановкѣ крестьянскаго быта, о «бѣдности и нищетѣ, о развалившихся хижинахъ, выбитыхъ сте-клахъ»²⁾. Но останавливаясь на экономическомъ положеніи крестьянъ, Брусиловъ ничего не говоритъ о ихъ нравственномъ развитіи, о школахъ. Въ «Письмѣ о театрѣ» мы находимъ мысль, что для народа необходимо устроить театръ съ особымъ репертуаромъ. Это, по его мнѣнію, имѣло бы огромное воспитательное значеніе. «Я вывелъ бы,—говоритъ онъ,—пьяницу, пропивающаго свое имѣніе, слугу, который слушивается своего господина. и показалъ бы всё ужасныя слѣдствія непослушанія (?!), какую нибудь ханжу..., бабу ворожею, крестьянина, который не рыдаетъ о томъ, что его отдадутъ въ солдаты, но который, повинувъ священному долгу, оставляетъ отца, мать, жену, дѣтей, домъ отцовскій, родину, и идетъ охотою въ солдаты»³⁾. Понятно, что устроить народные театры не только тогда, но даже и теперь гораздо труднѣе, чѣмъ школы. Брусиловъ заговорилъ о народномъ театрѣ совершенно случайно, говоря о театрѣ вообще, и это единственный случай, гдѣ онъ высказался о народномъ образованіи.

Другой вопросъ, который Брусиловъ затрогиваетъ въ журналѣ⁴⁾, отчасти въ другихъ произведеніяхъ, можетъ быть названъ женскимъ вопросомъ. Въ статьѣ: «Завѣщаніе умирающаго отца своей дочери»⁵⁾, авторъ изложилъ свои взгляды на этотъ предметъ. «Женщина, по его мнѣнію, должна учиться хозяйственнымъ или домашнимъ добродѣтелямъ», такъ какъ здѣсь главная сфера ея дѣятельности, какъ жены и матери. Въ то же время, она не должна чуждаться образованія и свободное время употребляетъ «на чтеніе полезнѣйшихъ книгъ», къ числу которыхъ Брусиловъ относитъ: «книги Закона Божія» и исторію. Все это рекомендуется дѣлать въ виду той роли, которую женщина можетъ играть въ обществѣ. «Ни одинъ витія не сдѣлаетъ такого впечатлѣнія на сердце молодаго человѣка, какое можетъ сдѣлать дѣвица, воспитанная въ вѣрѣ и добродѣтели. На моды, на костюмы и вообще на внѣшность дѣвица особеннаго вниманія обращать не должна. Матери, оставляющія дѣтей на попеченіе кормилицъ и нянекъ, вызываютъ у Брусилова порицаніе. Мать должна сама кормить своего ребенка, такъ какъ «дѣтя почерпаетъ нравъ и способности той, которая его

¹⁾ «Журналъ», ч. II, стр. 72, 73; «Мое путешествіе», Спб., 1803 г., стр. 130.

²⁾ Ibid., стр. 70.

³⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 66. Александръ I не думалъ, чтобы послѣднее, то-есть добровольное поступленіе въ солдаты, было возможно. Имѣя въ виду, что «поступившіе на службу должны находиться въ отдаленіи отъ своей родины, въ разлукѣ со своими семействами и родными, что естественно устрашаетъ ихъ и тоскою по родинѣ ослабляетъ ихъ силы и новое ихъ состояніе дѣлаетъ несноснымъ», пробовалъ дать войскамъ осѣдлость, устроилъ военныя поселенія. «Сборникъ матеріаловъ, извлеч. изъ арх. собств. Е. И. В. Канцеляріи», вып. V, Спб., 1892 г., стр. 140.

⁴⁾ «Журвалъ», ч. I, стр. 200, ч. II, стр. 74.

⁵⁾ «Плоды моего досуга», М., 1805 г.; «Мое путешествіе», стр. 22—25.

питааетъ»¹⁾. Женщина, не удовлетворяющая этимъ требованіямъ, вызываетъ рядъ сатирическихъ нападокъ.

Не одні женщины давали матеріалъ для скромной сатиры Брусилова. Въ своихъ статьяхъ: «Путешествіе на островъ Подлецовъ», «Исторія часовъ», «Зеркало истины» и др., Брусиловъ осмѣиваетъ всѣхъ, начиная съ молодящихся старыхъ женщинъ и кончая писателями, учеными, медиками. Особенно часто достается отъ него послѣднимъ. «Если бы я не имѣлъ совѣсти,—говоритъ онъ,—я желалъ бы быть медикомъ»²⁾. Придворныхъ онъ упрекаетъ за лесть и низкопоклонство, ученыхъ за педантизмъ, поетовъ за «прославленіе людей, недостойныхъ похвалъ», судей за взятки, помѣшковыхъ за негуманное отношеніе къ крестьянамъ и т. д. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что сатиры Брусилова не представляютъ собой пасквилей на отдѣльныя личности. Въ данномъ случаѣ онъ держался правила, высказаннаго имъ въ статьѣ о театрѣ: «...Нравы исправляютъ не бранью—брань ожесточаетъ только сердца. Мольеръ и Фонвизинъ осмѣивали пороки, старались людямъ, зараженнымъ ими, открыть глаза и показать ихъ заблужденія: они обращали въ смѣхъ пороки, заставляли краснѣть людей, зараженныхъ ими, но не бранили ихъ»³⁾. Правило старое, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время забытое нѣкоторыми представителями реальной школы, которые въ своемъ фотографированіи окружающей среды дошли до такой степени беззащитности, что выводятъ въ своихъ твореніяхъ своихъ знакомыхъ, копаются въ ихъ интимной жизни и результаты этихъ копаний сообщаютъ, не смущаясь, въ своихъ «романахъ» и «повѣстяхъ», плодахъ своего «творчества». Брусиловъ, впрочемъ, не стѣснялся писать эпиграммы, на ту или другую личность. Но это были эпиграммы, а не пасквили. Въ нихъ осмѣивался недостатокъ той или другой личности, не составлявшій секрета ни для кого. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикой «книжныя извѣстія» мы находимъ слѣдующее сообщеніе: «Сочиненія нѣкоего стихотворца въ 7 томахъ въ 4-ю долю листа, содержація въ себѣ разнаго рода поэмы, сонеты, идилліи, эпиталамы, эпитафія, эпиграммы, сатиры и пр., и пр. самой лучшей доброты, раздавались прежде даромъ; но какъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ не разошлось ни одного экземпляра, то сочинитель симъ объявляетъ, что сочиненія его впредь раздаваться будутъ желающимъ съ придачею двухъ рублей»⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь Брусиловъ разумѣлъ піиту гр. Хвостова, извѣстнаго не столько своими повѣстическими произведеніями, сколько способомъ ихъ распространенія. Такимъ же, можно сказать, невиннымъ характеромъ отличается его эпиграмма на Державина, или вѣрнѣе на его стихотворенія⁵⁾.

Что касается критики, то Брусиловъ относился къ ней очень серьезно. По его мнѣнію, рецензентъ долженъ былъ внимательно изучить книгу, обращаая вниманіе не только на недостатки, но указывать также и мысли,

¹⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 16; «Вездѣлки», кн. I, Спб., 1803 г., стр. 8.

²⁾ «Журналъ», ч. II, стр. 13—14, 68.

³⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 64.

⁴⁾ «Журналъ», ч. IV, стр. 179.

⁵⁾ «Журналъ», ч. II, стр. 45. Въ отвѣтной эпиграммѣ Державинъ называетъ Брусилова Булавкиннмъ и говоритъ, что ему «чуть слышна булавки боль» («Другъ Просвѣщенія», 1805 г., стр. 198). «Сборн. Русск. Словесн.», т. V, вып. I, стр. 69.

заслуживающія вниманія, избѣгать колкостей и насмѣшекъ, избѣгать елочности, ставящей въ упрекъ автору опечатки¹⁾ и т. д. Въ своемъ журналѣ онъ, правда, помѣщалъ рецензій, написанныя спокойнымъ тономъ, книжки обыкновенно хвалилъ, но нельзя сказать, чтобы въ своихъ статьяхъ обнаружилъ сколько нибудь развитое критическое чутье. Какъ на примѣръ, достаточно указать на его разборъ книги Боброва «Херсонида, или картина лѣтняго дня въ Херсонисѣ Таврическомъ» (Спб., 1804 г.). «Херсонида,—начинаетъ Брусиловъ статью,—есть твореніе генія. Словесность наша можетъ ею гордиться такъ же, какъ сочиненіями Ломоносова и Державина». Рецензія состоитъ почти вся изъ выписокъ, «взятыхъ на удачу», и заканчивается восклицаніемъ: «Счастлива та страна, которая имѣетъ такихъ повтовъ!»²⁾. Всѣ рецензій, которыхъ, кромѣ того, было очень не много, отличаются такимъ же характеромъ, и если не хуже, то во всякомъ случаѣ и не лучше рецензій, помѣщавшихся въ другихъ журналахъ того времени.

Кромѣ характеристики литературныхъ и общественныхъ воззрѣній Брусилова, «Журналъ» даетъ еще нѣкоторое понятіе о его взглядахъ политическихъ. Участіе въ «Вольномъ Обществѣ», относившемся съ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ Радищеву, къ Филанфіери, Беккари, Вольнею и др., дружба съ Пнинымъ и Бенитцкимъ на первый взглядъ позволяютъ предполагать и въ Брусиловѣ симпатію къ освободительнымъ идеямъ XVIII вѣка. На самомъ дѣлѣ было не такъ. Брусиловъ очень несочувственно относился къ освободительнымъ стремленіямъ Западной Европы. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, онъ рассказываетъ, какъ случайно попалъ въ «страну равенства».—«Ба, здорово собратъ,—встрѣтили его тамъ,—у насъ недостаетъ пятисотого члена въ совѣтъ, ты заступишь его мѣсто; но прежде надо снять тебѣ голову... для того, что ты цѣлою головою насъ выше, а земля сія есть земля равенства!»—«Будьте равны сколько угодно, но я не хочу быть съ вами равенъ».—«А, это аристократъ,—закричали они,—его надобно утопить!»—тотчасъ взвели меня на гору и столкнули въ море»³⁾. Въ другомъ мѣстѣ, онъ рассказываетъ, какъ одинъ «знатной русской путешественникъ» былъ въ Женевѣ во время междоусобицъ ея несогласій. Раздоры малѣйшей республики въ свѣтѣ не обращали вниманія Европы, но женеццы занимались симъ также, какъ бы и революціей міра. Когда донесли путешественнику о сихъ раздорахъ, болѣе смѣшныхъ, нежели важныхъ: «миѣ кажется,—сказалъ онъ,—что это буря въ стаканѣ воды». «Слово тонкое,—замѣчаетъ по этому поводу Брусиловъ,—ежели взять въ разсужденіе, что все государство Женевское не составляло пятой части нашей Москвы»⁴⁾. Очевидно, что, подобно Карамзину, и Брусиловъ все вниманіе обратилъ на внѣшнюю сторону событій конца XVIII в. и проглядѣлъ поэтому ихъ сущность. Такимъ только отношеніемъ къ данному вопросу можемъ мы объяснить себѣ появленіе на страницахъ «Журнала»⁵⁾ неуклюжей по мысли и формѣ, какъ и всѣ творенія графа Хвостова, оды «Безначаліе», заключающей въ себѣ тираду такого рода:

¹⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 5—8, ч. II, стр. 11; «Бѣдный Леандръ», Спб., 1803 г., стр. 20; «Старецъ или превратность судьбы», Спб., 1803 г., стр. 65—69.

²⁾ Ibid., ч. I, стр. 113—120.

³⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 198.

⁴⁾ Ibid., ч. III, стр. 24.

⁵⁾ «Журналъ», ч. I, стр. 107.

«Несмысленны и духомъ бѣдны,
 «Нелѣпныхъ призраковъ творцы,
 «О вы, учителя зловредны!
 «Печальны въ мірѣ мудрецы.
 «Самихъ небесъ вы были чужды,
 «Въ царяхъ не находили нужды,
 «Вы свѣтъ—безъ васъ мерцала тьма,
 «Или текуща кровь и свары,
 «Опустошеніе, пожары,
 «Есть плодъ крылатаго ума?»

Такой если не враждебностью, то во всякомъ случаѣ полнѣйшимъ индифферентизмомъ къ вопросамъ общественной жизни только и можно объяснить то обстоятельство, что авторъ, будучи современникомъ такихъ важныхъ моментовъ въ русской исторіи, какъ конецъ XVIII и начало XIX вѣковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ ограничивается сообщеніемъ внѣшнихъ фактовъ придворной жизни при Екатеринѣ II, сообщаетъ кое-что о царствованіи Александра I и ни словомъ не обмолвился ни о декабристахъ, ни о царствованіи Павла I.

Впрочемъ, не смотря на несочувственное отношеніе къ французской революціи, а также сознание того, что «Вольтеръ много сдѣлалъ вреда Франціи», что «переворотъ, сдѣлавшійся въ оной», былъ результатомъ «большою частью его и другихъ философовъ Франціи сочиненіямъ»¹⁾, Брусиловъ помѣщалъ въ своемъ «Журналѣ» массу извлеченій именно изъ этого писателя. Этимъ онъ платилъ извѣстную дань «Вольному Обществу» и его главѣ Пнину. Нужно, однако, замѣтить, что Брусиловъ не принадлежалъ къ «вольтерьянцамъ». Вольтеръ «несносенъ» для Брусилова, «опровергая христіанскій законъ». «Если бы Вольтеръ былъ истиннымъ христіаниномъ, я бы почиталъ его первѣйшимъ изъ человѣковъ!»²⁾. Объ этомъ же говоритъ Брусиловъ и въ своихъ воспоминаніяхъ: «Начитавшись Вольтера и прочихъ его собратій, я чуть было не впалъ въ кощунство; одинъ благодѣтельный человѣкъ обратилъ меня на путь истины». Не соглашаясь съ религіозными воззрѣніями Вольтера, Брусиловъ очень цѣнилъ его, какъ писателя и философа, вслѣдствіе чего переводилъ отрывки изъ его сочиненій—«о самолюбіи», «о лести», «о роскоши», «о слезахъ» и т. п. предметахъ, съ идеями которыхъ соглашался, писалъ также въ подражаніе Вольтеру самостоятельныя статьи («Путешествіе въ храмъ вкуса») и т. д.

Совершенно особнякомъ стоятъ научныя работы Брусилова. Двѣ его статьи по нумизматикѣ: «О древней русской монетѣ»³⁾ и «Описаніе древнерусскихъ монетъ»⁴⁾, не представляютъ собой ничего выдающагося. Это простое описаніе монетъ, сдѣланное сообразно съ требованіями нумизматики, съ попытками опредѣленія хронологіи. Двѣ другія статьи относятся къ варяжскому вопросу. Въ первой статьѣ отразились и славянофильскія симпатіи Брусилова. Главная идея статьи этой («Историческое разсужденіе о началѣ Русскаго государства») заключается въ томъ, что авторъ довольно подробно развиваетъ мысль Болтина, а именно, что «руссы, какъ побѣдили,

¹⁾ «Бѣдный Леандръ», Спб., 1803 г., стр. 30.

²⁾ Ibid., стр. 31.

³⁾ «Вѣстникъ Европы», 1812 г., ч. 63, № 11, стр. 225.

⁴⁾ «Записки и Труды Общества Исторіи и Древностей», М., 1824 г., ч. II, стр. 135.

заставили принять свое имя; но, будучи малочисленнѣе народовъ, ими покоренныхъ, вмѣсто того, чтобы славянъ превратить въ руссовъ, преобразились сами въ славянъ и втеченіе вѣка исчезли совершенно¹⁾. Во второй статьѣ («Догадки о причинѣ нашествія нормановъ на славянъ») Брусиловъ говоритъ, что покорили норманы Русь съ той цѣлью, чтобы быть сосѣдями съ Византіей, куда иначе не могли попасть. Этимъ же онъ объясняетъ и походъ Олега на Кіевъ изъ Новгорода²⁾. Главный же его научный трудъ «Описаніе Вологодской губерніи», изданный въ 1833 году академіей наукъ³⁾, представляетъ собой довольно полное описаніе губерніи въ географическомъ, статистическомъ и даже этнографическомъ отношеніи. Брусиловъ собралъ не мало интересныхъ данныхъ о характерѣ населенія, о его занятіяхъ, собралъ нѣсколько данныхъ «о половникахъ» въ Устюжскомъ уѣздѣ, о зырянахъ и т. д. Изложеніе строго фактическое.

Подводя итогъ всему сказанному, мы приходимъ къ заключенію, что всѣ сочиненія Брусилова заключаютъ въ себѣ очень мало оригинальнаго, лично ему принадлежащаго. Съ одной стороны, въ своихъ повѣстяхъ, онъ является подражателемъ Карамзина, или даже переводчикомъ, съ другой стороны, въ журнальныхъ статьяхъ, повторяетъ мысли, въ то время далеко не новыя. Вопросы общественной жизни, повидимому, его занимали очень мало, или даже вѣрнѣе—совершенно не занимали. Что касается до его характеристики, какъ человѣка, въ его взглядовъ литературныхъ и общественныхъ, то по словамъ одного изъ людей, лично съ нимъ знакомаго, Брусиловъ былъ «благородный, правдивый, чувствительный и добрый товарищъ»⁴⁾.

Вл. Боцяновскій.

I.

Дѣтство.—Прививка оспы.—Ученіе дома.—Поступленіе въ Пажескій корпусъ.—Товарищи.—Жизнь въ корпусѣ.—Ученье и учителя.—Шалости пажей.—Форма.

Воспоминанія мои не заключаютъ въ себѣ ничего ни политическаго, ни историческаго; это просто воспоминанія былаго. Я рассказываю не красно, но вѣрно, такъ, какъ я видѣлъ и какъ понималъ вещи. Легко можетъ быть, что въ запискахъ моихъ читатель не найдетъ ничего любопытнаго. Не ища славы авторской, я и тѣмъ буду доволенъ, если эти записки приведутъ на память былое, или доставятъ хотя нѣкоторое развлеченіе, или хотя даже минуту сладкаго сна; а сколько толстыхъ книгъ изъ того только и бьются!

Я помню себя съ трехъ лѣтъ. Воспитывался я у бабушки, которая, какъ всѣ бабушки вообще, любила меня безъ памяти и ба-

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1811 г., ч. 55, № IV, стр. 284.

²⁾ «Записки и Труды Общ. Исторіи и Древн. Росс.», М., 1824 г., ч. II, стр. 60—67.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1867 г., стр. 1689.

⁴⁾ Записки С. П. Жихарева.

ловала на пропалую. Я былъ упрямъ и до крайности застѣнчивъ. Много стоило трудовъ втолкать меня въ гостиную, если кто нибудь былъ тамъ посторонній, а особливо дамы: я боялся ихъ какъ огня. Эти милыя качества и до сѣдины меня не оставили. Въ то время только вводилось прививаніе натуральной оспы. Въ уѣздахъ были плохіе медики, нашъ уѣздный эскулапъ не умѣлъ прививать оспы; меня повезли въ Москву. Медикъ, который долженъ былъ дѣлать эту операцію, по большимъ своимъ занятіямъ, не могъ пріѣхать въ квартиру; меня повезли къ нему. Довезти было не трудно, но вынуть изъ кареты труднѣе: я поднялъ ужасный крикъ; дѣлать было нечего, медикъ рѣшился привить мнѣ оспу въ каретѣ; и такимъ образомъ совершилась эта операція среди бѣла дня на улицѣ бѣлокаменной Москвы: происшествіе довольно необыкновенное. Можно бы изъ этого вывести заключеніе, что вся жизнь моя будетъ сдѣленіемъ странныхъ приключеній, однако-жь все обстоитъ благополучно. Привезя упрямаца домой, вздумали одѣть меня туркомъ. Я носилъ чалму, желтые сапоги, деревянный ятаганъ. Не знаю, не это ли было причиною впоследствии необыкновеннаго моего влеченія къ нѣжному полу. Я во всѣхъ влюблялся. Стоило мнѣ только увидѣть стройную талію, коротенькій башмачекъ, чтобы потерять сердце недѣли на двѣ до другой встрѣчи.

По шестому году посадили меня за буквы и часовникъ. Въ нынѣшнему вѣкѣ смѣшно такое образованіе, но такое начало не совсѣмъ худо. Оно съ юныхъ ногтей знакомить съ роднымъ языкомъ и научаеъ страху Божию. Тогда еще не учили порусски на французскій манеръ, не было ни а, ни бе, а были просто азъ, буки, вѣди и проч. Признаюсь, я и теперь не могу равнодушно слышать, какъ русскія дѣти складываютъ бе, а—ба; мнѣ кажется понятнѣе: буки, азъ—ба. Славянская азбука есть вмѣстѣ и молитва, и законъ. Что значать для русскаго всѣ бе, а, ве: совершенно никакого понятія съ этимъ не сопрягается, кромѣ пустаго звона словъ, между тѣмъ, какъ читая славянскую азбуку, я научаюсь многому: азъ вѣдый глаголь, добро есть живете земля иже и; како люди мыслѣте; нашъ онъ покой; рцы слово твердо. Вотъ съ первымъ понятіемъ ребенка, съ первымъ началомъ, прежде еще складовъ, говоритъ ему Господь, что онъ вѣдаетъ помыслы людей, знаетъ, какъ живутъ они на землѣ, на коей суть; вмѣстѣ съ тѣмъ люди признають, что одинъ Богъ упокоиваетъ ихъ, и обязуются хранить данное слово. Гг. филологи, не хвалитесь мудростію вашею!.. Однакожь я удалился отъ своего предмета; извините, старики болтливы.

Восьми лѣтъ повезли меня въ Петербургъ и чрезъ посредство благодѣтельнаго родственника В. ¹⁾ пріяли меня въ Пажескій

¹⁾ Вѣроятно, Петръ Петровичъ Воейковъ, секундъ-маіоръ Преображенскаго полка, одинъ изъ немногихъ приверженцевъ Петра III. О немъ см. «Осьмнадцатый Вѣкъ», кн. III, стр. 353—354.

корпусъ. Это тогда было довольно важно, ибо весь комплектъ состоялъ только изъ 60 пажей, большею частью дѣтей знатныхъ особъ. Для принятія въ число ихъ сына секундъ-маіора, и очень небогатаго, надобна была сильная протекція. Она и была у меня. В., о которомъ я упомянулъ, былъ при императрицѣ Елисаветѣ капитаномъ гвардіи и пользовался особенною милостію наслѣдника. По кончинѣ Петра III, В. переведенъ былъ въ армію капитаномъ и скоро оставилъ службу съ чиномъ секундъ-маіора. Онъ жилъ всегда въ Москвѣ и, сколько по прежней извѣстности своей при дворѣ, столько и по характеру честному, твердо, прямо, настоящему русскому, пользовался общимъ уваженіемъ. Съ отцемъ тогдашняго временщика ¹⁾ онъ былъ въ дружеской связи, но былъ столь высокъ духомъ, что связь эту употреблялъ только на услуги ближнимъ; для себя не хотѣлъ ничего. Стороной предложено ему было, что онъ можетъ быть сравненъ съ сверстниками, которые давно уже были генералы; онъ отклонилъ это предложеніе. «Безъ заслугъ не хочу наградъ,—отвѣчалъ онъ,—и В. никогда Чупятовымъ не будетъ» ²⁾. Ну, милостивые государи, подумайте-ка, многие ли изъ насъ могутъ дать такой отвѣтъ?

Наконецъ, я въ корпусѣ. Матушка плакала, оставила меня подъ присмотромъ дядьки и поручила попеченію дальняго родственника***, честнаго, добраго, почтеннаго ветерана, бывшаго казначеемъ военнаго ордена. Онъ, К., Ж. и Д. благодѣтельствовали мнѣ, но болѣе всѣхъ баловалъ меня В. и Н. О. Д. Они, по излишней добротѣ своей, первые ласками своими и отличіями отъ другихъ дѣтей поселили во мнѣ какую-то самонадѣянность, которую я причисляю къ моимъ прочимъ достоинствамъ, то-есть упрямству, капризамъ и застѣнчивости. Послѣдняя втеченіе моей жизни надѣлала мнѣ много хлопотъ. И смѣшно, и жалко, какъ вспомнишь былое, и еще смѣшнѣе, что и теперь, на седьмомъ десяткѣ, я точно тотъ же застѣнчивый кадетъ, какимъ былъ восьми лѣтъ. Когда я занималъ впослѣдствіи довольно важныя должности, многіе поступки мои приписывали гордости, но это не что иное было, какъ застѣнчивость. Я иногда не кланялся, не отвѣчалъ, точно по застѣнчивости.

¹⁾ П. А. Зубовъ.

²⁾ Чупятовъ, Василій Анисимовичъ (ум. 1792 г. О немъ: Л. Н. Майковъ Очерки изъ исторіи русской литературы, Спб., 1889, стр. 356—368), извѣстный мѣщанинъ въ 1790-хъ годахъ, называлъ себя женихомъ марокской принцессы, носилъ ея портретъ, ходилъ въ шитомъ золотомъ кафтанѣ, въ звѣздахъ и лентахъ всѣхъ цвѣтовъ.

Всякъ думаетъ, что онъ Чупятовъ,
Въ марокскихъ лентахъ и звѣздахъ.

(Державинъ, 1-е ак. изд., т. I, 627).

Безъ всякаго самолюбія могу сказать, что у меня доставало столько ума, чтобы не быть гордымъ; да и чѣмъ гордиться?

Въ корпусѣ, который тогда совѣмъ не такъ былъ устроенъ, какъ нынѣ учебныя заведенія, не было общихъ дортуаровъ, а пажы размѣщались по разнымъ; жило вмѣстѣ по три, по четыре и даже по одному, смотря по величинѣ. У всякаго былъ свой дядька; это еще болѣе умножало безпорядокъ. Въ той каморкѣ, въ третьемъ этажѣ, гдѣ жилъ я, помѣщались С., Ч., Л. и И. О. П. ¹⁾. Лишь только шевадье де-Вильнѣвъ, бывшій нашимъ гувернеромъ, помѣстилъ меня въ эту каморку, дядька, чтобы утѣшить меня на новосельѣ, купилъ мнѣ кедровыхъ орѣховъ. Я забылъ горе; но лишь только развернулъ бумагу, какой-то шалуны ударилъ по бумагѣ, орѣхи разсыпались по полу, шалуны начали ихъ хватать, топтать ногами; я заревѣлъ во все горло; злодѣи тотчасъ положили ревъ мой на музыку, назвали пьесу «Плачь Брусилова» и принялись разыгрывать въ двѣ скрипки. Наконецъ, легкія мои должны были уступить соединеннымъ силамъ скрипокъ.

Этотъ урокъ не послужилъ мнѣ въ пользу: я все остался такимъ же капризнымъ и плаксою. Много терпѣлъ я насмѣшекъ; это меня озлило; я далъ волю языку; на бѣду, некому было унять меня, и это послужило къ конечному моему несчастію. Злыми насмѣшками я всѣхъ отъ себя отталкивалъ и потому во всю жизнь не имѣлъ друга. «Обрѣтый друга обрѣте сокровище,—говорить Сирахъ,—и есть другъ общникъ трапезамъ и не пребудеть въ день скорби твоя».

Съ самаго малолѣтства вселилась въ меня страсть къ авторству. Въ корпусѣ началъ я издавать рукописную газету, въ которой осмѣивалъ, какъ умѣлъ, своихъ товарищей. Благоразумный Клостерманъ, инспекторъ классовъ, запретилъ мнѣ эту шалость. «*S'il continue,—сказалъ онъ,—il deviendra un autre ****».

Порядокъ въ корпусѣ былъ тогда совѣмъ иной. Я сказала уже, что дортуаровъ не было; постелей и платя казенныхъ также не было. Всякій одѣвался какъ хотѣлъ, формы никакой не было. Чай у всякаго былъ свой, только столъ для пажей былъ общій. Камеръ-пажи къ столу не ходили; имъ носили кушанье въ комнаты. На столъ отпускалось на каждого пажа по рублю въ день; правда, что всегда было шесть блюдъ, но я думаю, что *m-g Masiose* находилъ тутъ порядочный счетецъ. Къ столу насъ призывали по колокольчику; мы не въ порядкѣ шли, а бѣжали, какъ шалуны; кто первый прибѣгалъ, тотъ садился, гдѣ хотѣлъ. Шумъ, крикъ и шалости всякаго рода, я думаю, и на улицѣ давали знать, что мы

¹⁾ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ, впоследствии свѣтлѣйшій князь Варшавскій, гр. Эриванскій (р. 1782 г., † 1857 г.). Поступилъ въ корпусъ 20 февраля 1794 г., выпущенъ 5 октября 1800 г.

обѣдали; но когда приходили къ столу гувернеры, тогда столъ продолжался смирно. Въ половинѣ восьмага часа утра звонокъ сзывалъ насъ въ классы. Ихъ было четыре: въ первомъ учили русской грамотѣ и начальнымъ правиламъ ариѳметики; во второмъ—греческому, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, грамматикѣ, древней и новой исторіи, географіи и ариѳметикѣ и алгебрѣ; въ третьемъ продолжались тѣ же предметы и, сверхъ того, преподавали геометрію, минералогію, учили фехтованію; въ четвертомъ классѣ—высшія науки и фортификацію. Танцевальный и рисовальный классы были общіе. Верховой ѣздѣ обучали въ придворномъ манежѣ.

Миръ вамъ, почившіе наставники! Дѣло прошлое, но, *sauf l'honneur*, справедливость требуетъ сказать, что учили очень небрежно. Учили погречески и полатыни, но едва ли кто изъ насъ умѣлъ читать полатыни и едва ли кто зналъ греческую азбуку отъ альфы до омеги. Нѣмецкій и французскій языки также были въ небреженіи, и если кто изъ насъ зналъ что нибудь, то только тѣ, которые брали приватныхъ учителей. Инспекторъ классовъ, почтенный Клостерманъ ¹⁾, былъ человѣкъ очень образованный даже ученый; но по старости лѣтъ мало занимался нашими успѣхами; а гувернеръ шевалье де-Вильнѣвъ, лишившійся руки при штурмѣ Очакова, былъ храбрый офицеръ, исполненный чести во всей силѣ слова, но рѣдко принималъ на себя трудъ заглядывать въ классы. Мы славились шалостями; были даже такіе пажи, которые вовсе не ходили въ классы; другіе брали особыхъ учителей, не полагаясь много на познанія своихъ. М-г Lelieure мастеръ былъ чинить перья, и весь классъ проходилъ въ томъ, что онъ очинивалъ цѣлые пучки. Учитель греческаго языка не подвинулъ меня дальше дельты. М-г Pingo, танцевальный учитель, толстый италіанецъ, училъ насъ, сидя въ креслахъ и, имѣя страсть къ хиромантіи, больше занимался нашими руками, нежели ногами. Онъ предсказывалъ намъ будущее, смѣшилъ насъ и самъ смѣялся, а прочіе дѣлали свои *salto mortale* по столамъ и скамьямъ. Это назывался танцевальный классъ. Предсказанія м-г Pingo бывали, однакожъ, иногда удачны. Однажды, посмотрѣвъ на ладонь И. Θ. П., онъ сказалъ: «Ты будешь великій генералъ!». Самый скучный классъ былъ минералогическій; но, по счастью, учитель нашъ получилъ страсть къ французскому языку. Насъ было двое въ третьемъ классѣ, которые лучше другихъ умѣли говорить пофранцузски: И. Θ. П. и я. Мы тотчасъ приняли мѣры: когда приходилъ учитель давать уроки минералогіи, одинъ изъ насъ приносилъ французскіе разговоры; тогда учитель садился на лавку, а ученики учились въ чехарду-ѣзду; такимъ образомъ прелюбополучно проходили наши два минералогическіе часа. Учителя

¹⁾ Иванъ Германовичъ Клостерманъ (родился 1730 года, умеръ 1810 года).

рисованія пажи не любили. Это былъ старикъ въ рыжемъ парикѣ, очень строгій и взыскательный. Классъ его бывалъ по средамъ послѣ обѣда; тогда всѣ скамьи сдвигались къ окнамъ, чтобы свѣтлѣе было рисовать; а столикъ учителя съ разложенными рисунками оставался среди комнаты. Что же сдѣлали шалуны: къ столу учителя привязали двѣ веревочки и протянули въ разные концы комнаты. Лишь только учитель усѣлся и разложилъ свои рисунки, вдругъ дернули за одну веревочку: столъ полетѣлъ въ сторону. Эта шалость кончилась тѣмъ, что бѣднаго старика вытолкали, а парикъ его и рисунки изорвали въ клочки. Составъ пажей былъ довольно страненъ. Тѣхъ, которые были познатнѣе, производили въ камеръ-пажи; и это былъ важный шагъ, ибо изъ камеръ-пажей выпускали въ гвардію поручиками, что тогда равнялось маіорскому чину. Производство въ камеръ-пажи имѣло характеръ рыцарскій. Пажъ преклонялъ колѣна, государыня дотрогивалась рукою до его щеки, вручала ему шпагу. Пажи, которые пробыли въ корпусѣ болѣе 9 лѣтъ, выпускались въ армию капитанами, наравнѣ съ сержантами гвардіи; а тѣ, которые служили менѣе десяти и болѣе шести лѣтъ, выпускались въ армию поручиками. Пажамъ производилось жалованья 37 рублей 50 копеекъ въ треть, да на мундиръ ежегодно по сту рублей. У кого былъ хорошій дядька, то деньги прибиралъ къ себѣ; а шалуны тратили ихъ на пряники, сбитень и прочія лакомства. Я помню забавный анекдотъ. Одинъ пажъ, получивъ третное жалованье, все тотчасъ проматывалъ на яблоки, сбитень, пряники и проч. Дядька журилъ его, но, не видя толку, рѣшился пожаловаться его дядѣ. Строгій дядюшка не умѣлъ лучше распорядиться, какъ велѣлъ шалуну по истеченіи трети представлять ему отчетъ, куда дѣвалъ онъ 37 рублей 50 копеекъ. Приходить треть, наступаетъ время отчета. Ну, что написать въ графахъ расходной книжки? Онъ выдумалъ расходъ законный. Дядьку звали Ѳокой. Шалунъ пишетъ въ расходъ: 1-го числа Ѳокѣ на баню 10 копеекъ, 2-го числа Ѳокѣ на баню 10 копеекъ, и такимъ образомъ Ѳока всѣ четыре мѣсяца ежедневно ходилъ въ баню. Кажется, что и шалунъ-контролеръ имѣлъ свою баню. Обыкновенный мундиръ у пажей былъ свѣтло-зеленаго сукна, подбитый краснымъ стамедомъ. Отъ воротника до подола, по обѣимъ сторонамъ, и сзади, на фалдахъ, были золотыя петлицы съ дутыми желтыми пуговицами; камзолъ красный съ золотыми петлицами; нижнее платье красное съ золотыми шлифами, башмаки съ красными каблуками, шляпа треугольная, голова въ пудрѣ, съ буклями, и кошелекъ. У камеръ-пажей былъ такой же мундиръ, но камзолъ шитый золотомъ, по манеру маіорскаго галуна, и шпага. Парадный мундиръ былъ богатый: свѣтло-зеленаго бархата, шитый по всѣмъ швамъ золотомъ, камзолъ красный бархатный, шитый золотомъ, нижнее платье зеленое бархат-

ное, шляпа шитая золотомъ. Мундиръ богатый, и въ тогдашнее время, когда рубль серебра былъ въ рубль мѣди, мундиръ стоилъ до 700 рублей. Мундиръ этотъ былъ казенный и хранился въ придворной кладовой. Въ торжественные дни выдавали его пажамъ, а потомъ опять относили въ кладовую. Такъ какъ мундиры эти шиты были уже давно, то весьма не многіе приходились въ пору, и очень часто на маленькаго пажа надѣвали мундиръ, шитый на большой ростъ; мундиръ едва не волочился по полу, рукава надобно было засучить, застегнуть мундира не было возможности: онъ сидѣлъ кулемъ. Не смотря на богатство наряда, мы были въ немъ не очень ловки. Сами мы это чувствовали, и какъ счастливъ изъ насъ былъ тотъ, кому хотя нѣсколько мундиръ приходился въ пору! Совсѣмъ тѣмъ богатый нарядъ не мало внушалъ уваженія. Я помню, однажды, въ какой-то праздникъ мы, дежурные, нарядились въ свои золотые кафтаны и предъ отправленіемъ во дворецъ явились къ гувернеру. У него тогда былъ какой-то маркизъ *chevalier de S. Louis*. Де-Вильнёвъ хотѣлъ везти его во дворецъ къ выходу; но, сдѣлавшись нездоровъ, поручилъ намъ довести маркиза. Увидя придворную карету, въ которой насъ возили, *m-g le marquis* началъ отвѣшивать намъ пренизкіе поклоны. Мы на этотъ разъ сохранили важность и даже не улыбнулись. Насилу усадили маркиза на переднюю лавочку; но когда подѣхали къ крыльцу, маркизъ, какъ учтивый кавалеръ, хотѣлъ выдти изъ кареты первый; но какъ обернуться спиною къ такимъ золотымъ господамъ? Маркизъ началъ вылѣзати изъ кареты задомъ. Тутъ мы ужъ не выдержали, захохотали во все горло и бросились опрOMETRY на верхъ, оставя *m-g le marquis* у подѣзда. Не знаю, попалъ ли онъ во дворецъ.

II.

Дежурства при дворѣ.—Екатерина II въ домашней обстановкѣ.—Ея рассказы.—Выходы Суворова.—Большіе и малые выходы Екатерины II.—Жизнь императрицы въ Царскомъ Селѣ.—Игра въ знамена.—Шутки пажей при дворѣ.

Въ обыкновенные дни наряжались на дежурство восемь пажей: чѣтыре на половину государыни и чѣтыре на половину наслѣдника; но, такъ какъ наслѣдникъ жилъ въ Гатчинѣ и только по праздникамъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, то всѣ восемь пажей были на половинѣ императрицы. Должность наша состояла въ слѣдующемъ: у дверей кавалерской комнаты стояло по два пажа, два у входа въ тронную и два у входа въ брилліантовую комнату. Когда великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи и великія княжны Александра, Елена, Марія и Екатерина Павловны приходили поутру къ императрицѣ, что бывало ежедневно, мы открывали двери. У обѣденнаго стола государынѣ служили два камеръ-

пажа, а пажи служили за тѣми особами, которыя находились за столомъ императрицы. Обѣдъ былъ въ два часа въ брилліантовой комнатѣ. Не знаю, какъ прежде, но съ 1793 года за столомъ государыни были ежедневно князь Зубовъ, А. С. Протасовъ ¹⁾, П. Б. Пассекъ ²⁾ и гофмаршалъ князь Ѡ. С. Барятинскій ³⁾. Часто приглашались графиня Скавронская ⁴⁾, графъ Зубовъ, графъ и графиня Браницкіе ⁵⁾, графъ Ангальтъ ⁶⁾, княгиня Дашкова, графъ Эстергази ⁷⁾, М. Л. Кутузовъ, князь Юсуповъ ⁸⁾, С. Л. Львовъ ⁹⁾, графъ Строгановъ ¹⁰⁾, Куселевъ ¹¹⁾, и другіе. Графъ Браницкій носилъ тогда еще польское платье. Въ дни совѣта приглашались къ столу: графъ Остерманъ ¹²⁾, графъ Безбородко ¹³⁾, Стрекаловъ ¹⁴⁾, графъ Самойловъ ¹⁵⁾, графъ Завадовскій ¹⁶⁾. Столъ былъ круглый; тогда кушанья всѣ становились на столъ, блюда всѣ были покрыты

¹⁾ Графиня Анна Степановна Протасова (р. 1745 г. † 1826 г.), камеръ-фрейлина императрицы.

²⁾ Петръ Богдановичъ Пассекъ (р. 1736 г. † 1804 г.), генераль-аншефъ дѣйств. камергеръ.

³⁾ Кн. Ѡдодъ Сергѣевичъ Барятинскій, оберъ-гофмаршалъ (р. 1742 г. † 1814 г.).

⁴⁾ Графиня Екатерина Васильевна Скавронская (р. 1761 г. † 1829 г.), ур. Энгельгардтъ, племянница кн. Потемкина, жена гр. Павла Мартыновича Скавронскаго († 1794 г.); во второмъ бракѣ была за гр. Ю. П. Литтой.

⁵⁾ Гр. Ксаверій Петровичъ, бывшій коронный гетманъ († 1819 г.), и жена его Александра Васильевна (р. 1754 г. † 1838 г.), ур. Энгельгардтъ, племянница кн. Потемкина.

⁶⁾ Гр. Ѡдодъ Евстаѣевичъ Ангальтъ (р. 1732 г. † 1794 г.), генераль-адъютантъ императрицы, директоръ 1-го сухопутнаго шляхетскаго корпуса.

⁷⁾ Эстергази, гр. Валентинъ (р. 1740 г. † 1805 г.). Былъ посланъ въ Россію (1791 г.) братьями гр. д'Артуа для обсужденія мѣръ къ возобновенію французской монархіи. Остался въ Россіи, получивъ помѣстья на Волынѣ.

⁸⁾ Кн. Николай Борисовичъ Юсуповъ (р. 1750 г. † 1831 г.), дѣйств. камергеръ, былъ женатъ на Татьянѣ Васильевнѣ Потемкиной, ур. Энгельгардтъ.

⁹⁾ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ (р. 1740 г. † 1812 г.), адъютантъ кн. Потемкина, извѣстный острякъ.

¹⁰⁾ Гр. Александръ Сергѣевичъ Строгановъ (р. 1733 г. † 1811 г.), оберъ-камергеръ, президентъ академіи художествъ.

¹¹⁾ Григорій Григорьевичъ Куселевъ (р. 1754 г. † 1833 г.), состоялъ при наслѣдникѣ престола, впоследствии графъ, адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, любимецъ Павла I.

¹²⁾ Гр. Иванъ Андреевичъ Остерманъ (род. 1725 г. † 1811 г.), вице-канцлеръ.

¹³⁾ Князь Александръ Андреевичъ Безбородко (род. 1747 г. † 1799 г.), канцлеръ.

¹⁴⁾ Степанъ Ѡдодовичъ Стрекаловъ (род. 1728 г. † 1805 г.), сенаторъ, статсъ-секретарь императрицы.

¹⁵⁾ Гр. Александръ Николаевичъ Самойловъ (род. 1744 г. † 1814 г.), генераль-прокуроръ, по матери родной племянникъ кн. Потемкина.

¹⁶⁾ Петръ Васильевичъ Завадовскій (род. 1739 г. † 1812 г.), статсъ-секретарь императрицы, впоследствии графъ и министръ народнаго просвѣщенія.

крышками. Приглашенные всѣ собирались въ бриллиантовую комнату и ожидали выхода государыни. Предъ выходомъ камердинеръ З. К. Зотовъ, отворивъ дверь, кричалъ: «крышки!» Сейчасъ крышки съ блюждъ снимались, и входила государыня; за нею иногда калмычекъ и одна или двѣ англійскія собачки. По правую руку государыни всегда сидѣла А. С. Протасова, возлѣ нея князь Зубовъ; князь Барятинскій противъ государыни, Пассекъ возлѣ него. На столѣ ставились четыре золотыя чаши, а иногда предъ государынею ставили горшокъ русскихъ щей, обернутый салфеткою и покрытый золотой крышкой, и она сама разливала. Государыня кушала на золотомъ приборѣ, прочіе на серебрянѣ.

Государыня кушала очень тихо, обмакивала кусочки хлѣба въ соусъ и кормила собачекъ. Разговоръ за столомъ былъ непринужденный, веселый, по большей части порусски. Говорили, шутили, смѣялись безъ всякаго принужденія. Я помню, однажды зашла рѣчь о русскихъ пѣсняхъ. *** сказалъ о какой-то совсѣмъ мало извѣстной. Его заставили спѣть нѣсколько куплетовъ, и старикъ хриплымъ голосомъ затянулъ. Мы повыскакали за ширмы; нельзя было утерпѣть, чтобы не хохотать, а смѣяться было нельзя, даже по той маленькой причинѣ, что мы и розги были въ его командѣ. За столомъ не было никакихъ разговоровъ политическихъ или даже о дѣлахъ. Однажды зашла рѣчь о Калиостро. Государыня изволила рассказывать, что этотъ фокусникъ взялъ у одного изъ придворныхъ перстень и бросилъ его за окно.—«Помилуй, что ты дѣлаешь?»—«Не беспокойтесь,—отвѣчалъ Калиостро, указывая на ѣздоваго, который на хромоѣ лошади ковылялъ по площади,—прикажете остановить этого ѣздоваго, перстень у него на рукѣ». Остановили ѣздоваго, и точно перстень былъ у него на пальцѣ. Иногда государыня рассказывала о своемъ вояжѣ. Въ Бѣлоруссіи,—говорила она,—назначенъ былъ обѣдъ въ домѣ одного помѣщика. Съ большой дороги къ дому вела длинная аллея. Вся эта аллея была усыпана свѣжими розами. Кто-то изъ свиты государыни хотѣлъ обратить на это ея вниманіе. «Ну, чтожь,—отвѣчала императрица съ ея небесною улыбкой:—эта почесть скорѣе для моихъ лошадей». Изъ обыкновенныхъ обѣдовъ я помню одинъ весьма замѣчательный.

По взятіи Варшавы, славный Суворовъ прибылъ ко двору. Ему отведенъ былъ Таврическій дворецъ. Здѣсь, по обычаю своему, завѣсивъ всѣ зеркала и лежа на соломѣ, принималъ онъ корпусъ гвардейскихъ офицеровъ.

Онъ приглашенъ былъ къ столу императрицы. Въ тотъ же день приглашена была дочь его, графиня Зубова, съ мужемъ. Всѣ собрались въ бриллиантовой комнатѣ, гдѣ накрытъ былъ столъ и ожидали государыню. Суворовъ вбѣжалъ въ комнату, подскочилъ,

такъ сказать, къ дочери ¹⁾), перекрестилъ ее, потомъ перекрестилъ ей животъ (она была въ тягости).

Тотчасъ вошла государыня и посадила героя возлѣ себя по лѣвую руку. Суворовъ былъ въ парадномъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, шитомъ по всѣмъ швамъ золотомъ, на немъ были брилліантовые знаки св. Андрея, брилліантовый эполетъ и большой брилліантовый бантъ на шляпѣ. Весь столъ рассказывалъ онъ о штурмѣ. Лестно отзывался онъ о своемъ дежурномъ генералѣ Исленьевѣ ²⁾), который также былъ приглашенъ къ столу. Исленьевъ былъ прекрасный мужчина въ бѣломъ кавалерійскомъ мундирѣ, съ Георгіемъ на шеѣ и Владиміромъ чрезъ плечо: другой ленты у него не было. Настоящій Эфестіонъ новаго Александра!

Я упомянулъ уже, что государыня кушала тихо. Чтобы не задерживать стола, кушанья подавались своимъ чередомъ, и государыня метръ д'отели подавали на двухъ, а иногда на четырехъ тарелкахъ тѣ блюда, которыя уже были обнесены. Она выбирала какое нибудь одно.

Суворовъ, рассказывая о штурмѣ, также отсталъ отъ прочихъ тремя или четырьмя блюдами. Государыня взглянула на Барятинскаго, и тотчасъ два метръ д'отеля поднесли Суворову съ каждой стороны по двѣ тарелки. Онъ, будто не зная, что съ ними дѣлать, сложилъ все на свою тарелку, перемѣшалъ и началъ кушать.

Никто даже не улыбнулся. По окончаніи стола государыня изволила отойти во внутренніе апартаменты. Суворовъ, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, началъ щипать калмыченка, прыгать около него, тормозить. Тотъ бросился бѣжать, Суворовъ за нимъ, изъ комнаты въ комнату, наконецъ въ бѣлую залу. Не догнавъ калмыченка, швырнулъ въ него свою шляпою съ брилліантовымъ бантомъ, сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Какое чудное смѣшеніе высокаго ума, честолюбія и гордости!

Въ воскресные дни бывали малые выходы въ церковь. Государыня безъ всякой церемоніи изволила шествовать чрезъ столовую комнату и въ церкви стояла иногда въ фонарикѣ, а иногда въ столовой у открытыхъ дверей въ фонарикѣ церковный, облокотясь на спинку стула. Въ большіе праздники бывали большіе выходы. Государыня изволила идти въ предшествіи придворнаго штата чрезъ тронную въ церковь. Въ такихъ случаяхъ она имѣла на себѣ ордена св. Андрея, Георгія и Владиміра, а иногда и малую брилліантовую корону. По сторонамъ ея шли дежурный гене-

¹⁾ Наталья Александровна (род. 1775 г. † 1844 г.), была замужемъ за гр. Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ (род. 1763 г. † 1805 г.).

²⁾ Петръ Александровичъ Исленьевъ († 1811 г.), генераль-поручикъ.

раль-адъютантъ ¹⁾ и вахмистръ кавалергардовъ ²⁾, за нею вся царская фамилія. По возвращеніи тѣмъ же порядкомъ изъ церкви, государыня останавливалась въ кавалерской комнатѣ—здѣсь подходили къ рукѣ; въ два часа былъ выходъ въ столовую комнату, гдѣ къ столу приглашалось чловѣкъ до 40 и болѣе. Въ высокоторжественные дни и кавалерскіе праздники столы бывали въ Георгіевской залѣ, тогда государыня кушала на тронѣ, въ малой коронѣ, ей прислуживали первые чины двора. Иногда государыня имѣла на себѣ платье гвардейскаго полка, то-есть дамское платье свѣтлозеленаго сукна, обложеное золотымъ галуномъ. Въ кавалерскіе дни св. Андрея кавалеры имѣли красные чулки, башмаки съ бантами, мантию зеленаго бархата съ глазетовымъ воротникомъ, поверхъ его Андреевская цѣпь и круглая шляпа съ загнутымъ полемъ напереди и съ страусовыми перьями. Шляпъ не снимали даже за столомъ; только во время провозглашенія здоровья кавалеры, вставая, снимали шляпы. Александровскіе кавалеры имѣли мантии малиновыя. Въ Георгіевской залѣ, когда государыня кушала на тронѣ, столъ накрывался покоемъ, а въ срединѣ, противъ трона, особый столъ для духовенства. Хоры музыки и знаменитая тогда Маджюрлетта оглашали залу пиршествъ. Богатство одеждъ придавало особенное великолѣпіе двору. Камергеры и камеръ-юнкеры и всѣ придворные чины были во французскихъ кафтанахъ, облитыхъ золотомъ. Одежда кавалергардовъ особенно была блистательна. Ихъ было шестьдесятъ чловѣкъ; всѣ рослые люди.

Всѣ они имѣли капитанскіе и поручичьи чины, капралъ ихъ—чинъ подполковника, вахмистръ—бригадира, князь Зубовъ былъ поручикомъ, а государыня капитаномъ. Въ будни кавалергарды имѣли на груди и спинѣ серебряные сюперверсты, палаши, ружья и лядунки серебряныя, шляпы съ галуномъ и чернымъ плюмажемъ. Парадная форма была: сюперверсты, палаши, ружья, все кованаго серебра; на рукахъ, на ногахъ, на сапогахъ серебряныя накладки, шлемы серебряные съ черными перьями. Это были совершенно серебряныя латы, и надобно было выбирать молодцевъ, которые бы могли снести такую тяжесть. Разъ въ недѣлю бывали театры въ Эрмитажѣ и вечера въ брилліантовой комнатѣ. Играли въ карты. У государыни были особенныя карты, она играла въ бостонъ. Князь Зубовъ и старикъ Ч. ³⁾ составляли всегдашнюю ея партію,

¹⁾ Въ послѣднее время ихъ было два: князь Зубовъ и Пассекъ. Они дежурили понедѣльно. Дежурный имѣлъ трость чернаго дерева съ золотыми кистями и съ костянымъ набалдашникомъ, на которомъ изображенъ былъ двуглавый орелъ. Флигель-адъютантовъ было двое: графъ Буксгевденъ (Фед. Фед., р. 1750 г., ум. 1811 г.) и С. Л. Львовъ.

²⁾ Вахмистръ кавалергардовъ имѣлъ чинъ бригадира, капралъ—чинъ подполковника. Вахмистромъ былъ Зайцевъ, капраломъ Храповъ.

³⁾ Евграфъ Александровичъ Чертковъ († 1799 г.), дѣйств. камергеръ, одинъ изъ сторонниковъ Екатерины II при вступленіи ея на престолъ.

четвертый переи́мьнялся. Старикъ Ч. за бостономъ горячился и даже до того забывался, что иногда кричалъ: это забавляло государыню. На святкахъ въ тронной бывали куртаги. Пѣли святочные пѣсни, хоронили золото, играли въ фанты, въ веревочку. Государыня мастерица была ловить въ веревочку. Когда бывало среди круга подойдетъ къ кому нибудь и станетъ разговаривать, тотъ возьметъ свои мѣры, сниметъ руки съ веревочки, и вдругъ она ударить, человекъ чрезъ три, того, который и не воображалъ быть пойманъ. Куртаги оканчивались всегда танцами. Въ Царскомъ Селѣ государыня жила, какъ помѣщица. Вся стража состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ рядовыхъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, подъ командою гвардіи офицера, такъ что въ дворцовомъ караулѣ стоялъ унтеръ-офицеръ. О сержантахъ гвардіи, этой особенной кастѣ людей, которыхъ давно уже нѣтъ, можно бы было многое сказать; но они такъ вѣрно въ своихъ семи жилетахъ изображены въ «Лебедянской ярмонкѣ»¹⁾, что объ этомъ и говорить не хочется. Въ хорошіе вечера государыня гуляла со всѣмъ дворомъ въ саду и, возвратясь съ прогулки, садилась на скамейкѣ противъ монумента Румянцева. Здѣсь начиналась игра à la guerre, или, какъ называли, въ знамена. Кавалеры и фрейлины раздѣлялись на двѣ партіи: одна становилась у дворца, другая къ сторонѣ концертной залы. У каждой было свое знамя; кто отбивалъ знамя, тотъ одерживалъ побѣду. Арбитромъ былъ князь Барятинской; онъ садился на ступеньки монумента. Attention, messieurs!— кричалъ онъ, и игра начиналась, бѣгали, ловили другъ друга, употребляли всѣ хитрости, чтобы отбить знамя. Въ этой игрѣ князь Зубовъ и камергеръ М. П.²⁾ отличались. Быстрѣ ихъ никто не бѣгалъ. Осенью императрица жила въ Таврическомъ дворцѣ. Туда всѣ прѣзжали во фракахъ, часто танцовали и даже въ саду. Бывали и русскія пляски; великія княжны Александра и Елена Павловны участвовали въ сихъ пляскахъ, кавалеромъ ихъ былъ графъ Ч., который плохо говорилъ порусски, но плясалъ порусски въ совершенствѣ. Пажи въ то время славились шалостями. Это велось въ корпусѣ еще отъ временъ Елисаветинскихъ. Всегда въ корпусѣ былъ одинъ какъ бы атаманъ шалуновъ; имена этихъ атамановъ съ почтеніемъ переходили изъ рода въ родъ шалуновъ. Въ мое время атаманомъ былъ Н.,—шалунъ, какого, я думаю, не бывало. Шалости пажей временъ прошедшихъ сохранились въ устномъ преданіи. Такимъ образомъ рассказывали, что при Елисаветѣ какой-то старичекъ генералъ прѣхалъ во дворецъ и ждалъ выхода императрицы. Шалуны тотчасъ замѣтили провинціала, об-

¹⁾ «Обращенный мизантропъ, или Лебедянская ярмонка», комедія въ 5 д. Ал. Дан. Копіева, Спб., 1794 г.

²⁾ Ник. Мих. Мусинъ-Пушкинъ († 13 мая 1812 г.).

ступили его, прицѣпили крючекъ къ его парикѹ, конецъ шнура привязали къ стулу и старались удержать его на одномъ мѣстѣ. Входитъ государыня, старикъ поклонился, парикъ слетѣлъ съ головы. При Екатеринѣ эти шалости пажей продолжались. Любимая забава наша была таскать патроны у караульныхъ кавалергардовъ и сержантовъ. Лишь только задремлетъ кто изъ нихъ (что иногда случалось), тотчасъ патронъ вытащенъ изъ сумы и летѣлъ въ каминъ. Эти хлопущки насъ забавляли, хотя за это и больно наказывали. Послѣ этой шалости лучшая была катанье по бѣлой залѣ. Къ шляпѣ, не смотря на то, что она была шита золотомъ (о простыхъ уже и говорить нечего), привязывали три платка; на шляпу садился шалунъ, а другіе, взявшись за концы платковъ, катали тройкой по всей залѣ, зато и шляпы были всѣ въ клочкахъ: одинъ такой променады по залѣ и новую шляпу дѣлалъ въ дырахъ. Маленькихъ придворныхъ пѣвчихъ мы очень боялись—это были наши придворные враги. Длинными своими рукавами они ловко шелкали насъ по шелковымъ чулкамъ. Наконецъ, одна шалость была не простительная и надѣлала много шуму въ городѣ. Пріѣхалъ въ Петербургъ графъ д'Артуа. При дворѣ былъ балъ. Не знаю, какой злой духъ вложилъ въ голову шалунамъ писать на спинахъ кресты на зеленыхъ пѣхотныхъ, синихъ каварелійскихъ и красныхъ артиллерійскихъ мундирахъ мѣломъ, а на бѣлыхъ морскихъ мундирахъ углемъ. Шалуны перекрестили почти всѣхъ, но этого имъ было мало: надобно было поставить крестъ архіепископу, бывшему въ свитѣ принца. Онъ сидѣлъ у карточного стола государыни. Самый отчаянный изъ шалуновъ Н. подошелъ къ столу и во всю длину мантии архіепископа поставилъ крестъ. Шалость, или, правильнѣе сказать, преступленіе было слишкомъ велико; однакожъ дѣло кончилось исправительнымъ наказаніемъ.

III.

Бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича.—Фейерверкъ на Невѣ.— Народныя празднества на дворцовой площади.—Персидскій принцъ.—Забавное воровство во дворцѣ.—Пріѣздъ шведскаго короля.—Преднаменованія.—Метеоръ.—Безпричинный дымъ.—Болѣзнь и смерть Екатерины II.

Я началъ дежурить съ 1793 года. Помню бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича ¹⁾, великолѣпный фейерверкъ, бывшій на Невѣ, и быковъ на дворцовой площади. Это были послѣдніе быки. Противъ фонарика на половинѣ императрицы строился высокій помостъ со ступенями. Всѣ ступени были уложены жа-

¹⁾ Бракосочетаніе великаго князя Константина Павловича съ принцессою Кобургскою, Анной Федоровной, происходило 12-го февраля 1796 г.

реными гусями, утками, курами, окороками и проч., наверху помоста стоялъ быкъ съ позолоченными рогами; голова быка была утверждена на желѣзномъ болтѣ, такъ что стоило труда ее отнять. Все это сверху до низу закрывалось зеленою тафтяною занавѣсою. Другой такой же быкъ, съ посеребренными рогами, ставился противъ подъѣзда наслѣдника. Кругомъ были фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ. Все это окружено было цѣпью часовыхъ, полицейскихъ и веревками, такъ что площадь была пуста, а народъ въ ожиданіи сигнала толпился за веревками и въ прилегающихъ къ площади улицахъ. Государыня являлась въ фонарикѣ: это было знакомъ къ началу. Народъ съ крикомъ бросался на добычу, тафта въ нѣсколько секундъ изорвана была въ клочки, молодцы, по большей части, мясники, собирались артелями и бросались на быковъ, одни взлѣзали на быка и начинали работать около головы, за которую выдавалось съ золотыми рогами сто рублей, съ серебряными пятьдесятъ; между тѣмъ остальная шайка отбивала народъ, бросая въ него окороками, гусями, индѣйками. Наконецъ, если шайка была сильна и успѣла отбить другихъ, она въ торжествѣ несла голову на дворцовый подъѣздъ; случалось, что во время этого триумфальнаго шествія другая шайка нападала — тутъ начинался настоящій кулачный бой, иногда отбивали голову, и награду получалъ не тотъ, кто отдѣлилъ ее отъ туловища. Зрѣлище, конечно, дикое; но изъ дворца смотрѣть было забавно.

Другая картина была еще забавнѣе. Пьяницы, не помышляя о быкахъ и наградахъ, прямо бросались къ виннымъ фонтанамъ, иной прямо попадалъ въ бассейнъ и оттуда, черная шапкою, обливалъ народъ. Одинъ влѣзъ и сѣлъ на трубку фонтана, разумѣется, онъ пересталъ дѣйствовать, огорченные пьяницы начали швырять въ него шапками, палками, чѣмъ попало, наконецъ, сбили врага — онъ рухнулъ въ бассейнъ, и фонтанъ опять заигралъ. Не помню, въ 1793 или въ 1794 году явился при дворѣ персидскій принцъ. У его свѣтлости была прекрасная черная борода и ногти выкрашены красною краскою. Былъ и посоль персидскій; этотъ ѣздилъ на сѣромъ жеребцѣ, у котораго нижняя часть хвоста выкрашена была красною краскою, какъ будто въ крови. Приличное украшеніе варвара! Вслѣдъ за этими господами явился и слонъ. Когда государыня подошла къ окну, онъ сталъ на колѣна и положилъ хоботъ на голову. Послѣ этого подали ему цѣлый лотокъ саякъ и большой кулекъ яблокъ; онъ все это благополучно скушалъ. Около этого времени случилось въ Зимнемъ дворцѣ забавное воровство. Въ тронной было пять серебряныхъ люстръ. Однажды является къ гоффуриеру подмастерье придворнаго серебряныхъ дѣлъ мастера и говорить ему, что заказано сдѣлать шестую люстру такого же фасона, и мастеръ прислалъ его съ тѣмъ, чтобы онъ принесъ

для образца одинъ подсвѣчникъ. Гоффурыерь, который лично зналъ этого подмастерья, нимало не усомнился, велѣлъ гайдукамъ подать лѣстницу, и подмастерье полѣзъ отвинчивать подсвѣчникъ. Гоффурыерь еще берегъ его: «смотри, не упади, голубчикъ»,—говорилъ онъ. — «Не безпокойтесь, Алексѣй Петровичъ, — отвѣчалъ плутъ,—дѣло знакомое!» Отвинтилъ подсвѣчникъ и былъ таковъ. Люстра эта такъ и оставалась безъ одного подсвѣчника... Дѣло въ томъ, что этотъ подмастерье отошелъ отъ мастера, а гоффурыерь этого не зналъ. Въ 1796 году прибылъ въ Петербургъ молодой шведскій король съ дядею своимъ герцогомъ Зюдерманландскимъ ¹⁾. Герцогъ былъ маленькій сѣдой старичекъ, въ черномъ платьѣ и съ черною короткою мантиею на плечахъ, на шпагѣ нитяной темлякъ. Король высокій, стройный мужчина, довольно пріятной наружности. Въ прогулкахъ по набережной, гдѣ онъ жилъ, въ домѣ шведскаго посланника, носилъ онъ длинный синій сюртукъ съ высокимъ и узкимъ лифомъ, что казалось очень страннымъ, потому что тогда въ Петербургѣ носили лифа очень широкіе и очень низкіе. По случаю пріѣзда короля вельможи давали пиры, одинъ богаче другаго. Въ день бала, даннаго генераль-прокуроромъ графомъ Самойловымъ въ домѣ его, гдѣ нынѣ губернскія присутственныя мѣста, въ ту минуту, какъ государыня выходила изъ кареты, явился извѣстный метеоръ, освѣтившій и перепугавшій весь городъ и имѣвшій даже вліяніе на умъ великой Екатерины. Она почла это дурнымъ предзнаменованіемъ. Лѣтомъ 1796 года въ золотой залѣ Царскосельскаго дворца праздновали рожденіе великаго князя Николая Павловича ²⁾, нынѣ благополучно царствующаго государя. Я былъ тогда дежурнымъ и съ чувствомъ пріятной гордости вспоминаю этотъ радостный день, радостный для Россіи, радостный для всего человѣчества.

Кромѣ метеора, были и другія предзнаменованія. Какъ бы кто ни думалъ, но жизнь великихъ и сильныхъ земли имѣеть связь съ силами небесными. Простой человѣкъ родится и обращается въ персть, отъ которой взятъ; рожденіе и кончина великихъ, потрясающихъ вселенную, предвозвѣщается намъ свыше, какъ доказательство, что они исполнители воли Господней, что они суть отблескъ божества. Того лѣта въ Царскомъ Селѣ ночью сдѣлался безъ всякой причины такой сильный дымъ, что испугались, не горитъ ли гдѣ. Разбудили князя Зубова, онъ вышелъ; дымъ былъ сильный и болѣе подъ окнами почивальни государыни. Осмотрѣли весь дворецъ, нигдѣ не было огня; полагали, что горитъ лѣсъ въ окрестности, посылали во всѣ стороны, нигдѣ ничего не нашли.

¹⁾ Король шведскій Густавъ IV Адольфъ я дядя его, Карлъ Зюдерманландскій, прибыли въ Петербургъ 14-го августа 1796 г.

²⁾ Императоръ Николай родился 25-го іюня 1796 г.

Въ началѣ ноября 1796 года государыня чувствовала себя не со-всѣмъ здоровою. 4-го ноября за столомъ она говорила, что Рожерсонъ (лейбъ-медикъ) совѣтуетъ ей пустить кровь; «но я,—прибавила государыня,—хочу это сдѣлать послѣ праздникова». Я былъ дежурнымъ за столомъ и самъ это слышалъ. 6-го ноября, поутру, мы, дежурные, пріѣхали во дворецъ. Гоффурьеръ Шмаковъ ска-залъ намъ: «ступайте, дѣти, домой, стола не будетъ». Мы не за-ставили себѣ повторить это два раза и поѣхали въ корпусъ. Въ тотъ день выпалъ первый снѣгъ. Послѣ обѣда пошелъ я съ то-варищемъ гулять. Лишь только вышли мы на Дворцовую площадь, какъ увидѣли у фонарика нѣсколько каретъ. Мы были оба дежурные, кареты у подѣзда убѣждали насъ, что при дворѣ столъ, а насъ нѣтъ. Мы подумали, что Шмаковъ обманулъ насъ (онъ любилъ иногда балагурить), побѣжали въ корпусъ, одѣлись и явились во дворецъ. Было часа три за полдень. Первое, что мнѣ представило-сь, при входѣ въ тронную, былъ скороходъ, который, облокотясь на экранъ у камина, горько плакалъ. Я думалъ, что онъ что нибудь напроказилъ, и что Шмаковъ велѣлъ посадить его въ свѣчную,—обыкновенное наказаніе нижнихъ придворныхъ служителей. Я спросилъ скорохода, но не могъ добиться отъ него отвѣта. Тутъ у окна увидѣлъ я гайдука въ слезахъ. Вотъ и этотъ плачетъ! Что это такое? Вхожу я въ кавалерскую комнату и нахожу тутъ князя Барятинскаго, Н. П. Архарова ¹⁾ и еще нѣкоторыхъ, даже члена придворной конторы Н., который никогда не приглашался къ обыкновенному столу императрицы. У всѣхъ блѣдныя лица, всѣ шепчутся и безпрестанно входятъ въ брилліантовую комнату.

Любопытство мое возростало; наконецъ, я узналъ печальную истину: съ государыней сдѣлался ударъ. Часъ отъ часу кавалерская комната наполнялась, къ вечеру съѣхалось много, сѣни были на-полнены любопытными, ибо печальная вѣсть рознеслась уже по городу. Въ эту минуту можно было видѣть, сколько императрица была любима.

IV.

Вступленіе на престолъ Павла I.—Перенесеніе гроба Петра III въ Зимній дво-рецъ.—Погребеніе Екатерины II.—Перемѣны при дворѣ.—Служба въ Смолен-скѣ.—Ложная тревога.—Отставка.

Къ наслѣднику посланъ былъ оберъ-штаб-мейстеръ графъ Н. А. Зу-бовъ ²⁾. Наслѣдника ожидали изъ Гатчины всякую минуту. Часовъ въ восемь вечера наслѣдникъ прибылъ. Любимецъ покойной импе-

¹⁾ Николай Петровичъ Архаровъ (р. 1742 г. † 1815 г.), сперва московскій гу-бернаторъ, а затѣмъ с.-петербургскій генералъ-губернаторъ при Екатеринѣ II, извѣстный своей полицейской дѣятельностью.

²⁾ Графъ Ник. Александровичъ Zubovъ (род. 1763 г., ум. 1805 г.), братъ временщика.

ратрицы графъ П. А. Зубовъ, въ мундирѣ, растрепанный, безъ пудры, съ отчаяніемъ на лицѣ, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ и въ тронной упалъ къ ногамъ наслѣдника и великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Государь поднялъ его и пошелъ во внутренніе апартаменты императрицы. Въ ту же ночь объявлено было о восшествіи на престолъ Павла Петровича, и началась присяга. На другой день мы допущены были къ тѣлу государыни въ ея опочивальнѣ. Черезъ нѣсколько дней поставили гробъ на тронъ, а потомъ перенесли на катафалкъ въ бѣлую заду. Итакъ, не стало Екатерины!

«Не стало Великой,
 «Чья слава, яко громъ,
 «Катясь въ обширности зѣбра,
 «Всю землю обтекла кругомъ
 «И удивила царства міра!».

Тотчасъ по восшествіи императора Павла Петровича на престолъ открыта была могила Петра III въ церкви Александровской лавры, и гробъ въ другомъ новомъ гробѣ, съ золотою короною на крышѣ, поставленъ среди церкви. Пажи также дежурили при гробѣ. На другой день императоръ Павелъ пріѣхалъ вечеромъ въ лавру, насъ всѣхъ выслали изъ церкви въ корридоръ, въ церкви оставались государь, митрополитъ Гавріилъ и нѣсколько монаховъ. Что тамъ происходило, мнѣ неизвѣстно; но когда намъ велѣно было войти въ церковь и завяты мѣста около гроба, монахи накрывали его покровомъ, а государь отиралъ слезы. Перенесеніе останковъ Петра III въ Зимній дворецъ было великолѣпно. Морозъ былъ очень сильный, шествіе продолжалось нѣсколько часовъ, и намъ въ башмакахъ и чулкахъ было очень чувствительно. Потомъ съ такою же церемоніею оба гроба перенесены въ Петропавловскую крѣпость. Морозъ былъ еще сильнѣе, при жестокомъ вѣтрѣ. Мостъ наведенъ былъ отъ дворца прямо въ крѣпость; тутъ переходъ не великъ, но такъ какъ на такомъ маломъ пространствѣ не могъ вытянуться весь кортежъ, то передовые были собраны у Исаакіевского собора и, двинувшись оттуда и поровнявшись съ дворцомъ, остановились, пока вынесли гроба и остальной кортежъ присоединился. Это продолжалось также нѣсколько часовъ.

Съ новымъ царствованіемъ все измѣнилось при дворѣ. Тѣ, которые почитали себя на верху почестей, увидѣли себя очень малыми. Одни истинныя достоинства не подвергаются переменамъ. Великолѣпный Зубовъ изъ блестящаго своего мундира нарядился въ скромный темнозеленый мундиръ. Тотъ, передъ кѣмъ все трепетало и унижалось, предъ кѣмъ все разступалось и давало дорогу, теперь никѣмъ не былъ замѣченъ и охотно вступалъ въ разговоры съ такими людьми, которыхъ во время своего величія не удостоивалъ и взглядомъ. Таковы люди! таковъ дворъ! И великій Суво-

ровъ говариваль, что онъ раненъ въ сраженіи три раза и семь разъ при дворѣ. Въ декабрѣ 1796 года государь повелѣлъ выпустить 22 пажа въ армію, а на мѣсто ихъ взять въ пажи изъ кадетъ 1-го корпуса. Въ число этихъ пажей попалъ и я, хотя мнѣ было только 14 лѣтъ. Не могу выразить той радости, когда въ первый разъ надѣлъ я мундиръ Московскаго гренадерскаго полка. Все, что было въ моемъ карманѣ (не много, правда), отдалъ я часовому, который въ первый разъ въ жизни моей отдалъ мнѣ честь. Я былъ страстенъ къ военной службѣ и хорошій фронтовикъ. На 15-мъ году командоваль я ротой по фронтовой части. Быть на ученѣ для меня было лучшимъ занятіемъ, я готовъ былъ учить солдатъ съ утра до вечера. Боже мой, какая радость была, когда я въ первый разъ пошелъ за капитана въ главный караулъ. Я воображалъ себя не менѣе, какъ главнокомандующимъ. Это командованіе ротою довело было меня до бѣды. Инспекторомъ войскъ и военнымъ губернаторомъ въ Смоленскѣ былъ генераль-отъ-инфантеріи М. М. Философовъ, извѣстный по дружбѣ къ нему Петра III и по копенгагенскому происшествію, старикъ, едва передвигавшій ноги ¹⁾. Въ Смоленскѣ дошли слухи, что государь въ Гатчинѣ дѣлалъ ночную тревогу и былъ весьма доволенъ тѣми войсками, которыя прежде другихъ явились на сборное мѣсто. Генераль, бывшій и шефомъ нашего полка, объявилъ на вахтѣ-парадѣ, что онъ намѣренъ сдѣлать такую же тревогу, и что по пушечному выстрѣлу всѣ войска должны придти на площадь, называемую Облонье. Не знаю, почему вообразилось мнѣ, что эта тревога должна быть въ ту же ночь; да на повѣрку вышло, что не одному мнѣ такъ вообразилось. Тогда въ гарнизонѣ Смоленска было три полка: Московскій гренадерскій, Смоленскій мушкатерскій и гарнизонный Воеводскаго. Надобно знать, что Смоленскій и гарнизонный полки были уже въ новой формѣ, въ темнозеленомъ сукнѣ, а Московскій, не знаю почему, кромѣ офицеровъ, былъ въ старой формѣ: красные шаровары, свѣтлозеленыя куртки и каски съ бѣлымъ волосомъ. Ночь, какъ на бѣду, была бурная, темная, дождь лилъ, какъ изъ ведра, вѣтеръ бушеваль и стучаль ставнями. Придя съ вахтѣ-парада домой, я тотчасъ распорядился, приказалъ ротѣ одѣться въ полную форму и съ вечера собраться на ротный дворъ, а самъ спозаранку надѣлъ юберъ-рокъ, сѣлъ подъ окномъ и прислушивался къ пушечному выстрѣлу, въ радостной надеждѣ скорого похода

¹⁾ Мих. Мих. Философовъ (род. 1731 г., ум. 1811 г.), министръ при датскомъ дворѣ, при Екатеринѣ—директоръ сухопутнаго шляхетскаго корпуса, при Павлѣ—смоленскій военный губернаторъ, при Александрѣ—генераль-отъ-инфантеріи и членъ государстvenнаго совѣта. Велъ переговоры объ утвержденіи Голштейнъ-Готторна за Петромъ III. Переговоры эти привели къ заключенію соотвѣтствующаго договора (1767 г.), но Философовъ внезапно удалился изъ Копенгагена, не добившись его исполненія, благодаря интригамъ Фалькеншельда.

на Облонье. Разъ двадцать вскакивалъ я, мнѣ все казалось, что палятъ пушки, между тѣмъ какъ это стучали ставни. Вдругъ бѣжить фельдфебель, видно, такой же вѣтренникъ, какъ и я. «Ваше благородіе! пушка сигнальная выпалила, и Смоленскій полкъ уже на мосту». Я сейчасъ маршъ-маршъ на Облонье. Постой же, думалъ я, смоленцамъ не поспѣть прежде меня, вѣдь я ближе. Въ самомъ дѣлѣ, весь Смоленскій полкъ, которому также, видно, чудились выстрѣлы, бросился на мостъ (онъ квартировалъ за Днѣпромъ). Мостъ былъ высокій, шумъ отъ идущаго полка встревожилъ караульнаго офицера, бывшаго у Днѣпровскихъ воротъ; онъ догадался запереть ворота, и это спасло смоленцевъ, они остались внѣ крѣпости. Гарнизонный полкъ вышелъ на площадь, но такъ какъ онъ былъ въ темнозеленыхъ мундирахъ, то его и не видно было въ потемкахъ, и полкъ полегоньку убрался, когда услышалъ, что дѣлалось въ моей ротѣ; а я выстроилъ роту прямо предъ домомъ военнаго губернатора. Онъ тогда ужиналъ. Дворецкій, подойдя къ окну, чтобы взять какое-то блюдо, взглянулъ въ окно и, увидѣвъ бѣлыя каски, выронилъ блюдо изъ рукъ. Военный губернаторъ въ одномъ мундирѣ, безъ шляпы, выбѣжалъ на площадь со всѣми бывшими у него за столомъ. Скоро дѣло объяснилось, онъ видѣлъ тутъ одно только легкомысліе и былъ такъ добръ, что даже и выговора не сдѣлалъ. Мнѣ съ ротою приказано было идти домой, а о тревогѣ больше и въ поминѣ не было. Этимъ заключилъ я мои воинскіе подвиги. Опасаясь новыхъ проказъ, которыя, можетъ быть, не такъ бы легко сошли съ рукъ, батюшка взялъ меня въ отставку и опредѣлилъ по гражданской службѣ; но военный жаръ во мнѣ не протылъ. Открылась славная кампанія 1799 года. Я слѣдилъ шагъ за шагомъ за всѣми движеніями войскъ, горячо вступался, если кто осмѣливался критиковать дѣйствія русской арміи, и однажды чуть не подрался съ m-г Delphast, моимъ французскимъ учителемъ.

V.

Литературная дѣятельность.—Театръ.—Русская, французская, итальянская и нѣмецкая труппы.—Балетъ.—Живнъ въ деревнѣ.—Обученіе крестьянъ военнымъ приемамъ.—Курьезный смотръ.—Служба въ канцеляріи у принятія прошеній на Высочайшее имя.—Курьезные проэкты.—Александръ I въ Вологдѣ.

Война кончилась, и военный жаръ мой началъ простывать; но другая страсть, въ тысячу разъ гибельнѣе, родилась во мнѣ: страсть къ бумагомаранію. Начитавшись Вольтера и прочихъ его собратій, я чуть было не впалъ въ кощунство; одинъ благодѣтельный человѣкъ обратилъ меня на путь истинный. Ахъ, если бы нашелся тогда человѣкъ, который отвратилъ бы меня отъ писанія! Первый дебютъ мой былъ переводъ комедіи Мерсье; такъ какъ

этотъ переводъ сдѣланъ былъ подъ руководствомъ дяди, то это таки шло куда нибудь; но дядя скоро уѣхалъ, я остался на свободѣ, и давай писать.

Карамзинъ и Дмитріевъ издали Бездѣлки, ну, какъ же мнѣ отстать отъ нихъ? и я издалъ «Бездѣлки», и во всей силѣ слова бездѣльныя. Мало этого: написать «Бѣдную Машу» въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ», «Мое путешествіе» въ подражаніе де-Метру ¹⁾, и еще двѣ или три повѣсти—въ подражаніе не знаю ужъ кому. Наконецъ, началъ издавать журналъ, который, правду сказать, хотя былъ очень плохъ, однако-жъ имѣлъ одно достоинство: былъ дешевъ, если, впрочемъ, не дорого за вздоръ платить семь рублей. Увы! много согрѣшилъ я, окаянный, зато много и пилюль проглотилъ. Какой-то злодѣй, учитель словесности, журналъ мой предлагалъ ученикамъ своимъ, какъ образецъ незнанія грамматики. О! эти обиды, какъ камень, легли у меня на сердцѣ ²⁾. Тогда существовало Общество любителей наукъ, словесности и художествъ, я втерся туда какъ-то въ члены. Предсѣдателемъ былъ В. В. Пугаевъ, членами: И. П. Пнинъ, Д. И. Языковъ, А. Е. Измайловъ, А. А. Писаревъ, К. Н. Батюшковъ, Дм. Вас. Дашковъ, Н. И. Гречъ, Н. Ѳ. Остолоповъ, А. С. Грибоѣдовъ и многіе другіе. Мы переважно собирались, читали свои сочиненія, составляли протоколы засѣданій и, наконецъ, приступили къ изданію журнала, который, *sauf l'honneur*, кажется, не многими пережеголялъ мой! Въ это время я былъ страстнымъ любителемъ театра и бывалъ въ спектаклѣ почти всякій день. Тогдашнія группы русская, французская, итальянская и нѣмецкая и балетъ имѣли много прекрасныхъ сюжетовъ. Старикъ Оффренъ, Леруа, Каланъ, Дюранъ, Бергамень, Фрожеръ были отличнѣйшіе актеры. Какъ неподражаемъ былъ Леруа въ «Водовозъ»! Дюранъ въ роляхъ маркиза былъ истинный маркизъ. Бергамень въ роли *Brid'oison* ³⁾ морилъ со смѣху, стоило только взглянуть на него, на лицо его, чтобы покатиться со смѣху. Въ роли слуги, помнится въ *auberge pleine*, онъ былъ неоцѣнимъ. Онъ накрываетъ столъ и нѣсколько минутъ ничего не говоритъ, но весь театръ хохочетъ. Кажется ему ножикъ не чистымъ,—онъ чиститъ его между половицами, не чиста ложка—онъ

¹⁾ *Maistre, Xavier*—р. 1764 г., ум. въ Спб. 1852 г. Въ Россію прибылъ въ 1802 г. «*Voyage autour de ma chambre*» (1794 г.) было написано авторомъ не для печати. Здѣсь онъ говоритъ обо всемъ. Изящная форма и «чувствительная» тенденція находили де-Метру многихъ поклонниковъ.

²⁾ Впослѣдствіи я былъ однако-жъ нѣсколько утѣшенъ на литературномъ моемъ поприщѣ. Историческіе отрывки мои были помѣщены въ «Вѣстникъ Европы» и въ «Сочиненіяхъ Общества исторіи и древностей русскихъ», которое удостоило меня званія дѣйствительнаго члена, а императорская академія наукъ званія почетнаго члена и издала мой «Опытъ описанія Вологодской губерніи».

³⁾ Комическая роль въ ком. Бомарше «*Mariage de Figaro*».

поплюетъ и вытираетъ носовымъ платкомъ. Ставить на столъ бутылку вина. Грѣшный человѣкъ! вино его соблазняетъ, онъ отпиваетъ отъ бутылки и доликаетъ водой. Надобно вѣкъ сидѣть въ лакейской, чтобы перенять это! Трагедія французская была слаба. Оффрень ¹⁾ былъ старъ, голосъ его дрожалъ, и вѣчный угрозительный жестъ, одинъ и тотъ же, наводилъ скуку; но явилась m-lle George ²⁾, великолѣпная царица сцены, и рукоплесканія не умолкали. А опера, а несравненная Phillis! Какъ она была мила въ «Fouchon la vieilluse» ³⁾, а m-lle Tonrain? Можно ли быть лучше въ роли субретокъ?! Яковлевъ ⁴⁾, Крутицкій ⁵⁾, Шушеринъ ⁶⁾, Воробьевъ ⁷⁾, Самойловъ ⁸⁾, Пономаревъ ⁹⁾, Плавильщиковъ ¹⁰⁾, Черникова ¹¹⁾, Болина ¹²⁾ украшали русскую сцену. Всѣ эти актеры слишкомъ извѣстны, чтобы говорить о нихъ. Въ особенности Самойлову принадлежитъ честь возстановленія русской оперы. Въ нѣмецкой группѣ отличался Линденштейнъ. Торжествомъ его была «Русалка» и «Kolus pumreginele». Въ балетахъ блистали Дидло ¹³⁾, Дюпоръ ¹⁴⁾, Колосова ¹⁵⁾, Огюсть ¹⁶⁾, Вальберхъ ¹⁷⁾, Люстихъ ¹⁸⁾.

¹⁾ Aufresne, Jean (р. въ Женевѣ 1720 г., † въ Спб. 1806 г.). Обращалъ на себя вниманіе простымъ, натуральнымъ чтеніемъ. Въ Россію былъ приглашенъ Екатериной II.

²⁾ George (р. 1787 г., † 1867 г.), знаменитая французская актриса, посѣтившая Петербургъ и Москву въ 1808—1812 г.

³⁾ Комедія-водевилъ Буйли (Bouilly) въ 3 актахъ.

⁴⁾ Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ (р. 1773 г., † 1817 г.), трагическій актеръ и писатель.

⁵⁾ Антонъ Вас. Крутицкій (р. 1754 г., † 1803 г.), комическій актеръ, живописецъ, музыкантъ и писатель.

⁶⁾ Шушерина Брусиловъ ставилъ на ряду съ Дмитревскимъ и Крутицкимъ.

⁷⁾ Яковъ Степ. Воробьевъ (р. 1769 г., † 1810 г.), извѣстный комикъ.

⁸⁾ Василій Мих. Самойловъ (р. 1782 г., † 1839 г.), извѣстный пѣвецъ и драматическій артистъ.

⁹⁾ Александръ Ефимовичъ Пономаревъ, драматическій артистъ.

¹⁰⁾ Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ (р. 1760 г., † 1812 г.), извѣстный драматическій артистъ и писатель.

¹¹⁾ Прасковья Петровна Черникова, имѣвшая особенный успѣхъ въ роляхъ старыхъ бабъ и нянекъ.

¹²⁾ Болинъ, драматическая актриса и пѣвица.

¹³⁾ Дидло, Карлъ (р. 1767 г., † 1837 г.), извѣстный балетмейстеръ, прибывшій въ Россію въ 1801 г. Балеты его, по словамъ А. С. Пушкина, были «исполнены живости воображенія и предести необыкновенной».

¹⁴⁾ Дюпоръ (р. 1781 г., † 1853 г.), хореографическая знаменитость. Пріѣхавъ въ Россію въ 1808 г., вмѣстѣ съ Жоржъ, возвратился во Францію въ 1812 г. Получалъ за спектакль 1.200 р. серебромъ.

¹⁵⁾ Евгенія Ивановна Колосова, ур. Неелова (р. 1780 г., † 1869 г.), танцовщица, извѣстная своей пантомимной игрой. Мать А. М. Колосовой (Каратыгиной).

¹⁶⁾ Огюсть (Августъ Пуаро), балетмейстеръ и режиссеръ балетной группы.

¹⁷⁾ Иванъ Ивановичъ Вальберхъ (р. 1766 г., † 1819 г.), талантливый балетмейстеръ.

¹⁸⁾ Люстихъ († 1825 г.), танцовщикъ и балетмейстеръ.

Огюсть прекрасно плясаль порусски и очень был забавенъ въ «Деревенскомъ женихъ». Итальянская труппа была отличная: Маджорлетти (которой, впрочемъ, пѣть бы слѣдовало, закрывшись платкомъ, потому что она была очень некрасива, хотя имѣла соловьиный голосъ), Канавасси, Паски, Ронкони, Непчини, Замболи. Последніе два буффа были неподражаемы въ «La molinara» и въ «Cantatrici villane» ¹⁾. Въ послѣдней Замболи ²⁾ дирижироваль оркестромъ на сценѣ и морилъ со смѣху. Давались и большія оперы, напимѣръ, «Zinobia in Palmуга», гдѣ, кажется, въ первый разъ на сценѣ явилась колесница съ настоящими лошадьми. Содержатель итальянскаго театра былъ Казаччи или Казасси ³⁾. Не смотря, однако-жъ, на превосходную музыку и отличныхъ пѣвцовъ, итальянскій театръ рѣдко былъ полонъ. Однажды, во время представленія «La molinara», случилось очень забавное происшествіе. Канавасси какъ-то замедлила выйти на сцену, въ театрѣ была тишина. Вдругъ какъ нарочно кто-то чихнулъ въ третьемъ ярусѣ, да такъ громко, что раздалось по всему театру. Сдѣлался хохоть, посыпались аплодисменты, и партеръ закричалъ: «желаю здравствовать!». Едва унялся шумъ, какъ проказникъ всталъ и, выставясь изъ ложи, громкимъ голосомъ сказалъ: «покорнѣйше благодарю, милостивые государи!» Забавно отшутился.

Въ 1807 году, находясь въ деревнѣ, я опять имѣлъ случай повоевать. Составлялась милиція, военная кровь опять у меня разыгралась. Мундиръ, эполеты, шпоры радовали меня, какъ малое дитя. Сколько разъ дѣлалъ я планы кампаніи, на голову разбивалъ французовъ, гналъ Наполеона, бралъ его въ плѣнъ, съ мечемъ и пламенемъ обтекалъ вселенную и въ самомъ дѣлѣ, однажды, чуть не разенуль вдребезги своего уѣзднаго начальника. То былъ толстый помѣщикъ, отставной ассессоръ, въ рыжемъ парикѣ. Ему вздумалось осмотрѣть мой баталіонъ; пики наши, на всякій случай, были заперты въ сараѣ, который мы изъ учтивости называли цейхгаузомъ. Все наше оружіе состояло въ шапкахъ. Приготовляясь къ этому инспекторскому смотру, я кое-какъ выучилъ мой баталіонъ строиться въ три шеренги и въ два темпаса имать шапки по командѣ: «шапки долой!». И вотъ баталіонъ вытянуть въ линію, сотники и пятиде-

¹⁾ Опера-буффа, Фіоравенти. Первый разъ поставлена была въ Парижѣ въ 1797 году.

²⁾ Итальянскій пѣвецъ, р. 1767 г., † 1837 г.

³⁾ Казасси, Антонъ Ивановичъ († 1832 г.), импрессарио итальянской оперы въ Спб., строитель и директоръ первоначальнаго Малаго театра. Среди знакомыхъ онъ былъ извѣстенъ подъ именежъ «Тарабара-кули». Прозвище это было ему дано по слѣдующему поводу. Послѣ панихиды по одной танцовщицѣ, Казасси спросилъ одного изъ присутствовавшихъ, что значить «тарабара-кули». Оказывается, что онъ добивался значенія словъ, часто повторяемыхъ священникомъ: «рабы твоя».

сятники по взводамъ, я предъ фронтомъ, ждемъ отца командира. Нелегкая угораздила его прѣхать въ дрожкахъ, да еще такихъ курьезныхъ, какихъ теперь и въ провинціи уже нѣтъ. Онъ былъ плотно застегнуть кожанымъ фартукомъ. Лишь показался мой главнокомандующій ассессоръ, я скомандовалъ: шапки долой! Одинъ мужикъ, видно отъ избытка усердія, шибко махнулъ, шапка вырвалась изъ рукъ и ударила прямо въ морду лошади; та съ непривычки къ военнымъ эволюціямъ бросилась въ сторону, дрожки на бокъ, шляпа и парикъ слетѣли съ моего командира, и толстая фигура ассессора безъ парика влачилась предъ фронтомъ. Послѣ столь блистательной побѣды я рѣшился отдохнуть на лаврахъ, поѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній. Подъ благодѣтельнымъ начальствомъ П. С. Молчанова ¹⁾ дни мои текли мирно, и военныхъ дѣйствій больше не было. При моей службѣ въ такомъ мѣстѣ, куда со всѣхъ сторонъ стекаются люди всякаго званія, случались забавныя происшествія. Одна дама, пожилыхъ лѣтъ, просила о принятіи ея ко дворцу во фрейлины.

— Сударыня,—сказалъ ей П. С.,—во фрейлины берутъ дѣвицы.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—отвѣчала она просто-душно,—на милость обрაცца нѣтъ.

Одинъ старичекъ всякій день ходилъ въ канцелярію навѣдываться о своей просьбѣ.

— Да о чемъ вы просите?—спросилъ я его однажды.

— Я прошу объ опредѣленіи меня въ карантинъ, — отвѣчалъ онъ.

Тогда была чума въ южной Россіи.

— Въ карантинъ!—вскричалъ я, какъ страшный трусъ во всѣхъ болѣзняхъ,—вы охотно проситесь въ карантинъ?!

— Да помилуйте,—отвѣчалъ онъ,—храни Богъ, чума кончится, вѣдь я пропасть!

Одинъ титулярный совѣтникъ безпрестанно подавалъ проэкты то о постройкѣ линейныхъ кораблей изъ парусины, доказывая пресерьезно, что они будутъ легче на ходу и гораздо дешевле стоить, то о фабрикаціи пушекъ изъ папье-маше и проч., и проч.; наконецъ, предъ началомъ кампаніи 1812 года, подалъ проэктъ о сформированіи легіона изъ хорошенькихъ женщинъ. Этотъ легіонъ, писалъ прожектеръ, нужно будетъ поставить въ головѣ боевой линіи. Французы народъ учтивый: увидя красавицъ, они побросаютъ оружіе и бросятся на колѣна; тутъ всю армію можно забрать руками. Натурально, что такіе проэкты оставались безъ вниманія; но онъ всякій пріемный день являлся узнать, что по его проэкту послѣдовало. Однажды, вмѣсто его пришла его сестра, премиленькая

¹⁾ Петръ Стапановичъ Молчановъ (родился 1770 г., умеръ 1881 г.), переводчикъ «Нейстоваго Роланда» и сотрудникъ многихъ журналовъ XVIII в.

собою, и требовала отъ П. С., чтобы онъ доложилъ о проэктѣ ей брата. П. С. поделкатился сказать ей, что братъ ея сумашеднѣй; онъ отдѣлался отъ нея очень остроумно.

— Да знаете ли вы, сударыня, — сказалъ онъ ей, — въ чемъ состоитъ проектъ вашего брата?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— Ну, такъ я вамъ скажу, — продолжалъ онъ, — братецъ вашъ предлагаетъ составить полкъ изъ прекрасныхъ женщинъ. Если проектъ его утвердится, вѣдь вы первая попадете въ рекрута...

Сестрица захохотала, и съ тѣхъ поръ ни братецъ, ни сестрица болѣе не появлялись.

Всѣмъ извѣстно, какую рѣдкую память имѣлъ блаженной памяти Александръ Благословенный.

Одинъ отставной офицеръ просилъ пособія. При докладѣ просьбы его, государь изволилъ спросить статсъ-секретаря:

— Не тотъ ли это, который при покойной бабушкѣ доносилъ на Суворова во взяткахъ?

— Не знаю, государь.

— Справься.

Справились. Точно такъ: онъ дѣлалъ на великаго мужа этотъ нелѣпый доносъ. Правда, что случай рѣдкій, но чрезъ двадцать лѣтъ вспомнить фамилію такого человѣка, какая удивительная память! Въ 1824 году я имѣлъ счастье встрѣчать Благословеннаго въ Вологдѣ. Его императорское величество прибылъ въ Вологду 15-го октября въ 8 часу вечера. Время было самое ненастное; дождь, снѣгъ, слякоть, морозъ мѣнялись безпрестанно, дорога совершенно испортилась, въ лѣтнемъ экипажѣ ѣхать было трудно, и государь, оставя свои экипажи на дорогѣ, изволилъ прибыть въ открытыхъ саняхъ. На крыльцѣ теплаго Воскресенскаго собора встрѣтилъ его преосвященный Онисифоръ ¹⁾ съ крестомъ и святою водою и привѣтствовалъ краткою рѣчью. По окончаніи молебствія, государь въ дорожномъ экипажѣ изволилъ отправиться въ приготовленный для него домъ купца Витушешникова. Здѣсь, пройдя по фронту караула внутренней стражи и поздоровавшись съ рядовыми, изволилъ отпустить караулъ и въ домѣ остался только одинъ часовой у входа. Здѣсь я имѣлъ счастье подать его величеству рапортъ о состояніи губерніи. Войдя въ свои покои, государь принялъ генераль-губернатора С. И. Миницкаго ²⁾, потомъ удостоилъ принять

¹⁾ Онисифоръ — въ мѣрѣ Онисимъ Боровикъ (умеръ 20-го апрѣля 1828 года). Сперва былъ полковымъ священникомъ (1792—1813 гг.) и участвовалъ въ разныхъ походахъ. Въ 1813 году постригся въ монахи, а въ 1814 году былъ назначенъ епископомъ вологодскимъ. О немъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія въ своихъ запискахъ И. П. Сахаровъ. (Русскій Архивъ, 1873 г., № 6).

²⁾ Степанъ Ивановичъ Миницкій, вице-адмиралъ, съ 1823 по 1830 гг. генераль-губернаторъ Олонекской, Вологодской и Архангельской губерній и главный

меня въ своемъ кабинетѣ. Около получаса государь изволилъ говорить со мною, спрашивалъ о городѣ, о губерніи, о службѣ моей, о семействѣ, вспомнилъ дядю моего и двоюроднаго брата, наконецъ изволилъ говорить о своемъ вояжѣ. Изволилъ также говорить, что въ Вятской губерніи, въ лѣсу, медвѣдь напугалъ было его лошадей.

— Мы,—съ улыбкою сказалъ государь,—были и въ такой стонѣ, гдѣ водятся медвѣди.

Наконецъ, изволилъ спрашивать о бытѣ крестьянъ, и когда коснулась рѣчь до постройки, онъ изволилъ сказать:

— Это правда, тѣсная постройка деревень даетъ пищу пожарамъ. Были проекты строить крестьянскіе дома отдѣльно одинъ отъ другаго: конечно, для пожарныхъ случаевъ это полезно; но въ нашемъ климатѣ это не совсѣмъ удобно. Тѣсная постройка на сѣверѣ необходима, здѣсь сосѣди грѣютъ меня съ двухъ сторонъ.

Какое глубокомысленное и справедливое замѣчаніе!.. Между прочимъ, государь изволилъ спросить о домѣ, мною занимаемомъ. Я воспользовался этимъ случаемъ и доложилъ его величеству, сколь прискорбно для меня, что я не имѣлъ счастья принять его въ домъ, мною занимаемомъ, причемъ я объяснилъ причины.

— Это все равно,—изволилъ онъ сказать,—я домою очень доволенъ; это приготовлено твоимъ же попеченіемъ, слѣдственно все равно, какъ бы я былъ у тебя.

Дѣйствительно, домъ Витушешникова былъ отдѣланъ прекрасно. Для росписанія плафоновъ выписаны были изъ Петербурга живописцы Скотти. Витушешниковъ, по чистому усердію своему, ничего не щадилъ для достойнаго пріема столь великаго гостя. На другой день государь, послѣ представленія чиновниковъ, изволилъ осматривать гимназію, всѣ заведенія приказа общественнаго призрѣнія и тюремный замокъ. Послѣ того, удостоивъ посѣщеніемъ архіерея, Духовъ и женскій монастыри, изволилъ ѣздить въ Прилуцкій монастырь за 4 версты отъ города. При возвращеніи оттуда, вдругъ одна крестьянка подбѣжала къ коляскѣ и бросилась на колѣни. Государь приказалъ остановиться и изволилъ спросить, что ей надобно.

— Ничего, батюшка, хотѣла взглянуть на тебя,—отвѣчала она, положи крестное знаменіе,—больше мнѣ ничего не надо!

Какое сильное, завидное чувство преданности! Въ эту ночь, въ домѣ Витушешниковыхъ случилось событіе, которое навсегда сохранится въ памяти ихъ семейства.

У софы, гдѣ почивалъ государь, былъ поставленъ круглый столикъ. Одна изъ ножекъ этого столика была нѣсколько длиннѣе,

командиръ Архангельскаго порта. 8-го апрѣля 1830 г. уволенъ отъ службы за предосудительные и пользамъ службы не соответственные поступки. (Общій морской списокъ, ч. IV, Спб., 1890 г., стр. 363—365).

и отъ того онъ стоялъ неровно. Государь ночью изволилъ спросить ручную пилку и самъ своими руками уравниалъ ножки столика. Витушешниковъ обдѣлалъ этотъ столикъ въ серебро съ надписью событія, а ножку, отпиленную государемъ, отдѣлалъ въ золото. Столикъ этотъ хранится въ домѣ Витушешникова, какъ истинная драгоценность.

18-го октября, въ день городского праздника, государь, отслушавъ раннюю литургію въ церкви Всемиловитаго Спаса, въ 9 часовъ утра изволилъ отбыть изъ Вологды, осыпавъ насъ милостями своими. Эти три незабвенные дня составляютъ эпоху Вологды и служатъ украшеніемъ ея исторіи.

Вологда не можетъ и не должна забыть пребыванія въ стѣнахъ ея ангела кротости, котораго такъ прекрасно изобразилъ знаменитый поэтъ.

«Вождь вождей, царей диктаторъ».

Вотъ лучшая надпись къ изображенію Благословеннаго.

Закрываю воспоминанія мои стариннымъ изреченіемъ: Отцы и братія! еже я гдѣ описахъ или не дописахъ, или переписахъ, чтите исправливая, а не кляните.

Н. П. Брусиловъ.

12 декабря 1848 г.

